

ПЯТЬ ДУШ СТАНУТ ЕЁ ПРЕДВЕСТНИКАМИ

ГРЯДЁТ ТЬМА

«Дебют, который нельзя пропустить!»

Кирстен Уайт, автор бестселлеров New York Times

18+

КЕЙТИ РОУЗ ПУЛ

Кейти Роуз Пул Грядет Тьма

Серия «Young Adult. Век тьмы», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50783024
Кейти Роуз Пул Грядет Тьма:
ISBN 978-5-04-105534-9

Аннотация

Древнее пророчество должно исполниться. Грядёт Тьма. Города падут под её властью, а пять душ станут её предвестниками:

Принц, изгнанный из своего королевства.

Убийца, наделённая Даром Крови.

Паладин, потерявший веру.

Игрок, попавший в тёмную западню прошлого.

Умиравшая девушка на грани отчаяния.

Им предначертано подчинить себе Тьму, пока не появится пророк, которому суждено стать спасением мира... или его погибелью.

«Настоящая магия книги заключена в её героях: порочных, потерянных, но не утративших жизненную искру. Попробуй не влюбиться в них!»

*Лора Себастьян, автор бестселлера New York Times
«Принцесса пепла».*

«Если вы ждали нового захватывающего фэнтези – оно перед
вами!»

The Amazon Book Review

Содержание

Четыре телесных дара	8
I	9
1	9
2	20
3	42
4	65
5	81
6	104
7	117
8	135
9	144
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Кейти Роуз Пул Грядет Тьма

Katy Pool

THERE WILL COME A DARKNESS

Copyright © 2019 by Katy Rose Pool

Map illustration by Maxime Plasse

Cover design by Rich Deas and Mallory Grigg

Cover art by Jim Tierney

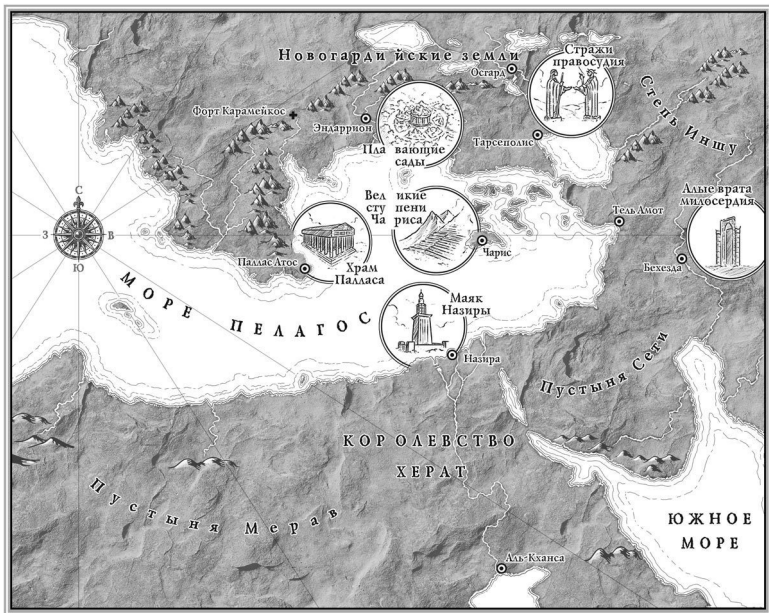
All rights reserved

Серия «Young Adult. Век тьмы»

© Сибуль А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Конечно же, посвящается Эрике

Четыре телесных дара

ДАР СЕРДЦА

Увеличивает силу, проворство, скорость и чувства

Обладатели: элитные бойцы

ДАР КРОВИ

Дает и забирает энергию, чтобы исцелять или наносить вред

Обладатели: целители

ДАР РАЗУМА

Создает объекты, наделенные уникальными качествами

Обладатели: алхимики и изобретатели

ДАР ВЗОРА

Чувствует и находит живые существа

Обладатели: провидцы

I

Предвестник

1

Эфира

В ОСВЕЩЕННОЙ ЛУНОЙ КОМНАТЕ, окна которой выходили на Город веры, перед Эфирой на коленях распластался священник и умолял сохранить ему жизнь.

– Пожалуйста, – молил он. – Я не заслуживаю смерти. Пожалуйста. Я больше не буду к ним прикасаться, клянусь. Смилуйтесь.

Он стоял на коленях в роскошных личных покоях таверны, в садах Талассы, перевернутых вверх дном. Богатые блюда попадали с тарелок, а напитки вылились из филигранных кувшинов. Белый мраморный пол был усыпан созревшими ягодами и раздавленными осколками дюжины маленьких, похожих на драгоценные камни бутылочек. Лужа темного, как кровь, вина медленно ползла к коленопреклоненному священнику.

Эфира присела, положив ладонь на кожу его щеки, подобную пергаменту.

– О, спасибо! – заплакал священник, и на его глаза навернулись слезы. – Спасибо тебе, благословенная...

– Интересно, – произнесла Эфира. – Твои жертвы умоляли о пощаде? Когда ты оставлял синяки на их телах, они выкрикивали имя Бехезды?

Он поперхнулся.

– Нет, не так ли? Ты опаивал их своим ужасным снадобьем, чтобы они были покорными и ты мог бы причинять им боль, а они даже не замечали бы ее, – сказала девушка. – Но я хочу, чтобы ты знал, что каждый след, оставленный тобой на их телах, проявился и на тебе.

– Пожалуйста.

Через открытые двери балкона позади Эфиры в комнату ворвался ветерок. Она приподняла лицо священника за подбородок.

– Ты был отмечен смертью. И смерть пришла за тобой.

Его наполненные ужасом глаза смотрели на Эфиру. Она положила руку на его горло, под ладонью отдавалось быстрое «тук-тук-тук» его пульса. Девушка сосредоточилась на потоке крови в плоти и вытянула *эшу* из его тела.

Свет покинул глаза священника, его легкие выплюнули последний вздох. Он свалился на пол. Отпечаток руки, бледный, словно луна, горел на земистой коже его горла. Священник был мертв, и только этот знак говорил об этом.

Достав кинжал из-за пояса, Эфира склонилась над телом. Священник был не один, когда она его нашла. С ним были две девочки – девочки с запястьями, покрытыми зелеными и фиолетовыми синяками, девочки с пустыми глазами, – они исчезли, как только Эфира сказала им бежать, словно они могли только повиноваться.

Эфира погрузила острие кинжала в горло священника и провела красную линию через бледный отпечаток руки. Когда из пореза выступила темная кровь, она перевернула кинжал и открыла отделение в его рукояти, чтобы вытащить оттуда флакон. Она подставила его под струю крови. Отчаянные слова священника были ложью – он заслуживал смерти. Но не поэтому девушка забрала его жизнь.

Она забрала его жизнь, потому что та была ей нужна.

Дверь распахнулась, отрывая Эфиру от ее занятия. Флакон выскользнул из руки. Она растерялась, но поймала его.

– Не двигайся! – В покои вбежали трое мужчин, один держал арбалет, а двое других – сабли. Караульные. Эфира не удивилась. Таласса находилась на окраине площади Элия, сразу же за воротами Верхнего города. Она это знала, потому что выяснила, что отряд караульных патрулировал площадь каждую ночь. Но они добрались сюда быстрее, чем она ожидала.

Первый караульный, ворвавшийся в комнату, замер в шоке, уставившись на тело священника.

– Он мертв!

Эфира запечатала флакон с кровью и спрятала его в рукоятке кинжала. Она выпрямилась, коснувшись черного шелка, закрывающего нижнюю часть лица, чтобы убедиться, что ткань на месте.

– Давай по-хорошему, – медленно произнес первый караульный, – и тебе не навредят.

Пульс Эфиры отдавался в горле, но она старалась говорить спокойно. Без страха.

– Сделай еще один шаг, и в этой комнате станет на пару тел больше.

Караульный заколебался.

– Она блефует.

– Нет, – нервно ответил тот, что с арбалетом. Он взглянул на труп священника. – Посмотри на отпечаток руки. Такой же, как на телах, найденных в Тарсеполисе.

– Бледная Рука, – прошептал третий караульный, уставившись на Эфиру.

– Это всего лишь уличные байки, – сказал первый, но его голос слегка подрагивал. – Нет никого настолько сильного, чтобы убить одним лишь Даром крови.

– Что ты делаешь в Паллас Атосе? – спросил ее третий караульный. Он стоял, выпятив грудь и расставив ноги, словно увидел зверя. – Зачем ты пришла сюда?

– Вы называете это место Городом веры, – сказала Эфира. – Но коррупция и зло заполонили его, словно гниль, за этими белыми стенами. Я отмечу их так, как отмечаю своих

жертв, чтобы остальной мир видел, что Город веры – город падших.

Это была ложь. Эфира пришла в Город веры не для того, чтобы отметить его кровью. Но только два человека в мире, кроме нее, знали настоящую причину, и один из них ее ждал.

Она пошла к окну. Караульный напрягся, но никто не двинулся за ней.

– Тебе не сойдет с рук убийство священника, – сказал первый. – Когда мы расскажем конклаву, что ты наделала...

– Рассказывайте. – Она натянула черный капюшон на голову. – Расскажите им, что Бледная Рука пришла за священником Палласа. И скажите им, пусть молятся, чтобы в следующий раз я пришла не за ними.

Девушка повернулась к балкону и отбросила в стороны атласные занавески, комната открылась ночи и луне, висящей словно коса в небе.

Караульные кричали ей вслед, рев их голосов смешался в единый вой, когда Эфира подлетела к краю балкона и перебралась через мраморную балюстраду. Мир перевернулся – на четыре этажа вниз, словно зубы из слоновой кости, блестя ступени входа в Талассу.

Она ухватилась за край балюстрады и повернулась. Слева от нее находилась крыша общественных бань.

Эфира прыгнула к ней. Крепко зажмурившись, она подтянула колени и приготовилась к удару. Девушка ударилась о крышу и перекатилась, восстановила равновесие, вскочи-

ла на ноги и побежала. Голос караульных и фонари Талассы исчезали в ночи.

Эфира двигалась по мавзолею словно тень. Санктум¹ был неподвижен и тих в предрассветной тьме. Девушка пробиралась по обломкам мрамора и другому мусору вокруг выложенного плиткой омота провидцев в центре, единственной необгоревшей части святилища. Над ее головой через провалившуюся крышу виднелось небо.

Руины мавзолея находились прямо за воротами Верхнего города, достаточно близко, чтобы Эфира могла легко проскользнуть назад в Нижний город, не привлекая внимания. Она точно не знала, когда сгорел мавзолей, но теперь он был заброшен и стал отличным укрытием. Девушка скользнула через обугленное святилище в крипту². Лестница скрипела и стонала, пока Эфира спускалась по ней. Она открыла гнилую деревянную дверь в альков, служивший ей домом последнюю пару недель. Сняв маску и капюшон, она забралась внутрь.

Раньше альков являлся хранилищем смотрителей-служителей, ухаживавших за святилищем. Теперь он был заброшен, оставлен крысам, гниению и таким людям, как Эфира,

¹ Санктум – храм, в котором проводятся религиозные обряды или ритуалы.

² Крипта – сводчатый крытый подземный ход или помещение.

которые ничего не имели против предыдущих двух.

– Ты опоздала.

Эфира взгляделась в темную комнату, посмотрела на кровать в углу, закрытую висящими над ней рваными простынями. На нее смотрели темные глаза сестры.

– Я знаю, – сказала Эфира, бросив маску и капюшон на стул.

Беру села на кровати. Книга соскользнула с ее груди, и, зашелестев страницами, упала на простыни. Короткие кудрявые волосы Беру с одной стороны были взлохмачены.

– Все прошло хорошо?

– Отлично. – Не было смысла говорить ей, как близко к поимке она сегодня оказалась. Все было сделано. Она заставила себя улыбнуться. – Ладно тебе, Беру. Ты знаешь, что дни, когда я падала с крыш игорных домов, остались позади.

Когда Эфира впервые надела маску Бледной Руки, она была не такой ловкой и не так хорошо лазала, как сейчас. Дар крови не помогал ей проникать в криминальные логова или забираться по балконам богатых торговцев. Ей пришлось обрести эти способности традиционным способом, проводя бесконечные ночи за оттачиванием баланса, скорости реакции и силы, как и за сбором информации, необходимой для выполнения задачи. Беру присоединялась к ней, когда чувствовала себя хорошо, бегала с Эфирой наперегонки, чтобы узнать, кто быстрее заберется по забору или совершит самый тихий прыжок с крыши на крышу. Они провели много но-

чей, скользя в тенях, следуя за потенциальной целью, чтобы узнать о ее грехах и привычках. После многих лет тренировок и постоянного риска Эфира научилась попадать в опасные ситуации и выбираться из них в качестве Бледной Руки.

Беру слабо улыбнулась в ответ.

Улыбка Эфиры погасла, когда она увидела боль в глазах сестры.

– Давай, – тихо сказала она.

Беру стащила с себя грубое одеяло. Ее тело дрожало, а коричневая кожа стала пепельной в тусклом свете. Под красными глазами залегли морщины от усталости.

Эфира нахмурилась, поворачиваясь к ящику возле кровати Беру, где лежала неглубокая миска. Она открыла отделение в рукояти кинжала и вылила содержимое флакона в миску.

– Мы ждали слишком долго.

– Все в порядке, – прошипела Беру сквозь сжатые зубы. – Я в порядке. – Она сняла хлопковую повязку с левого запястья, открыв черный отпечаток руки, запятивший ее кожу.

Эфира поднесла руку сестры к миске и покрыла ее влажной кровью. Положив кровавую ладонь на темный отпечаток на коже сестры, она закрыла глаза и сосредоточилась на крови, направляя *эшу* священника сестре.

Кровь, которую Эфира забирала у своих жертв, действовала как проводник эши, которую она из них выкачивала. Если бы она была хорошо обученным целителем, то знала

бы правильные схемы связи, которые бы привязали *эши* ее жертв к Беру. Ей бы не пришлось использовать связь кровью.

Но опять же, если бы Эфира была хорошо обучена, она бы вообще не смогла убивать. Целители с Даром крови принимали клятву, запрещавшую вытягивать *эшу* из другого человека.

Но это был единственный способ сохранить жизнь сестре.

– Вот, – сказала Эфира, прижимая палец к коже Беру, которая начала терять свой серый оттенок. – Уже лучше.

«Пока что», – Беру не произнесла этого вслух, но Эфира прочитала слова в глазах сестры. Беру протянула руку и открыла ящичек возле кровати, откуда достала тонкий черный стилус. Аккуратными привычными движениями она прижала стилус к запястью, нарисовав там маленькую прямую линию. Она присоединилась к еще тринадцати, навеки закрепленная алхимическими чернилами.

Четырнадцать убитых людей. Четырнадцать оборванных жизней, чтобы жила Беру.

Эфира знала, что сестра оставляла метку на своей коже каждый раз, когда Эфира помечала еще одну жертву. Она видела, как чувство вины пожирало ее сестру после каждой смерти. Люди, которых убивала Эфира, были далеко не невинными, но, кажется, это не заботило Беру.

– Возможно, это последний раз, когда нам приходится это делать, – тихо сказала Эфира.

Вот настоящая причина их визита в Паллас Атос. Где-то в

городе павшей веры и разрушающихся храмов находился человек, который знал, как навсегда исцелить Беру. Это единственное, на что надеялась Эфира в течение последних пяти лет.

Беру отвернулась.

– Я принесла тебе еще кое-что, – сказала Эфира, стараясь говорить беззаботно. Она опустила руку в маленькую сумочку на поясе и достала стеклянную крышку для закупоривания бутылок, которую подняла с пола в комнате священника. – Я подумала, что ты сможешь использовать ее в браслете, который мастерить.

Беру взяла крышку и повертела ее в руке. Она была похожа на маленький драгоценный камень.

– Ты же знаешь, что я не позволю ничему плохому случиться с тобой? – сказала Эфира, накрывая руку сестры своей.

– Знаю, – сглотнула Беру. – Ты всегда за меня волнуешься. Иногда мне кажется, что это всё, чем ты занимаешься. Но, знаешь, я переживаю за тебя тоже. Каждый раз, когда ты уходишь туда.

Эфира постучала пальцем по щеке Беру, упрекая ее.

– Мне не навредят.

Беру провела большим пальцем по четырнадцати чернильным полосам на своем запястье.

– Я не это имела в виду.

Эфира убрала свою руку.

– Иди спать.

Беру подвинулась, и Эфира залезла в постель рядом с ней. Она лежала, прислушиваясь к ровному дыханию сестры, думая о переживаниях, которые Беру не озвучила. Эфира тоже волновалась такими ночами, как сегодня, когда чувствовала, как замедляется, а потом останавливается пульс ее жертв, когда она вытягивает из них последние капли жизни. Их глаза темнели, и Эфира испытывала сладкое, насыщенное облегчение, и в такой же степени глубокий, неизбежный страх от того, что, убивая монстров, она превращается в одного из них.

2

Хассан

ХАССАН ТЕРЕБИЛ СВОЮ ТУНИКУ, поднимаясь по Священной дороге. Слуга, у которого он ее одолжил, был выше ростом, и потому на фигуре Хассана она смотрелась несуразно. Юноша не привык к одежде, которую носили в Паллас Атосе. Ее длина и легкость заставили его тосковать по упругости хератской парчи, по одежде, которая застегивалась и закрывала грудь и горло.

Но он бы слишком выделялся в своем наряде, и все усилия, предпринятые для того, чтобы незамеченным выскользнуть с виллы тети, были бы потрачены впустую. Тем более он мог оказаться в опасности.

По крайней мере такую причину назвала тетя Летия, когда Хассан впервые попросился выйти за пределы ее дома на утесе.

– Ты прибыл в этот город ради безопасности, – продолжала она. – Свидетели не знают доподлинно, что принц Херата спасся от них в Назире, и я хочу, чтобы так и оставалось как можно дольше. У Иерофана есть влияние даже здесь. Я боюсь, что, если его последователи узнают, что ты сбежал... Они посчитают своей миссией доставить тебя к нему.

После двух недель таких споров Хассан решил взять дело в свои руки. Его тетя ушла в город на целый день, и юноша воспользовался этим шансом. Он собирался узнать, что произошло в его королевстве с тех пор, как он покинул его, – все, чего не знала его тетя или о чем не собиралась рассказывать.

День выдался теплым, и на Священной дороге бурлила жизнь. Оливковые деревья, эмблема Паллас Атоса, выстроились вдоль улиц из известняка от гавани до агоры³, а потом до самого храма Палласа, высшей точки города. Крытые галереи с колоннами уступали место магазинам, тавернам и общественным баням на другой стороне дороги.

Холодный мрамор и суровый известняк этого города заставляли Хассана тосковать по пышным краскам столицы Херата, Назире, – насыщенный золотой, теплая охра и кармин, яркий зеленый и синий.

– Эй ты! Стой!

Хассан замер. Он отошел отвиллы всего на километр, и его уже поймали. Внутри его разгорелось сожаление и смущение.

Он понял, что обращались не к нему, когда обернулся на голос. Возле своей лавки стоял мясник, выкрикивая кому-то на улице:

– Вор! Стой!

³ Агора – рыночная площадь, обычно располагающаяся в центре города. На ней часто находятся главный городской рынок и правительственные учреждения.

Несколько людей остановилось, оглядываясь. Но один маленький мальчик продолжал бежать, и прежде чем Хассан успел что-то предпринять, мальчик врезался прямо в него.

Хассан споткнулся, но ему удалось поймать ребенка и удержать равновесие.

– Вор! Вор! – кричал мясник. – Это вор!

Хассан держал мальчика за плечи, осматривая его порванные штаны по колено и грязное лицо. Тот прижимал к груди пакет из коричневой бумаги. Его темные брови, волосы и бронзовая кожа безошибочно указывали на хератское происхождение – вот ребенок с родины Хассана. Хассан оглянулся на мясника, спешащего к ним с покрасневшим лицом.

– Думал, ты сбежишь, не так ли? – сказал мясник мальчику. – Тебе не понравится то, что делают с ворами в этом городе.

– Я не вор! – прорычал мальчик, высвобождаясь из хватки Хассана. – Я за это заплатил.

Хассан повернулся к мяснику.

– Это правда?

– Мальчишка дал мне всего пару монет, это даже не половина того, сколько стоит эта вырезка! – возмущенно сказал мясник. – Думал, я не замечу и ты сможешь смыться, а?

Мальчик покачал головой.

– Простите! Я думал, этого достаточно. Я посчитал, но здесь другие деньги, и я запутался.

– Кажется, это простое недоразумение, – сказал Хассан,

примеряя самую дипломатичную улыбку. Он потянулся к своему кошельку с монетами, висящему на поясе. – Я доплачу разницу. Сколько?

Мясник посмотрел на мальчика.

– Три вирту.

Хассан отсчитал три серебряные монеты с изображением оливкового дерева Паллас Атоса и протянул их мяснику.

Тот фыркнул, сжимая монеты в кулаке.

– Вы, беженцы, думаете, что все время можете жить за счет благотворительности.

Хассан вскипел. Маленькая часть его хотела бы рассказать мяснику, кто он такой, публично отругать его за такие слова принцу Херата. Но вместо этого он ответил с застывшей на лице улыбкой:

– Ваша благотворительность всех нас вдохновляет.

Челюсть мясника дернулась, словно он не мог понять, смеется ли Хассан над ним или нет. Проворчав что-то и кивнув, он вернулся к своей лавке.

Как только мясник отвернулся, мальчик бросился прочь от Хассана.

Хассан поймал его за плечо.

– Стой. Мы еще не закончили. Тебя же не сбили с толку монеты, верно?

Мальчик пристально посмотрел на него.

– Все в порядке, – мягко сказал Хассан. – Уверен, у тебя были на то причины.

– Я хотел принести это маме, – сказал мальчик. – Рагу из ягненка – ее любимое блюдо. Но мы его не ели с тех пор... как покинули дом. Я думал, что если смогу приготовить его, то она почувствует, словно мы снова дома, и, может, не будет так много плакать.

Хассан не мог не вспомнить о собственной матери, которая осталась дома, хотя он бы все отдал, чтобы та оказалась рядом. Чтобы утешить ее, как этот мальчик, которому было не больше десяти лет. Сказать ей, что все будет хорошо. Или, может, чтобы она сказала это ему. Если она все еще жива. «Жива, – подумал юноша. – Должна быть».

Он сглотнул, глядя на мальчика.

– Лучше бы нам отнести это ей. Ты живешь в лагерях, да?

Мальчик кивнул. Вместе они отправились в путь, и предвкушение Хассана росло, когда они проходили последний отрезок пути Священной дороги. Верхний город Паллас Атоса был встроен в гору, три уровня громоздились друг на друге, как возвышающаяся корона. Священные ворота приветствовали их на самом верхнем уровне, где расположилась агора, с которой открывался вид на весь город.

Над ними мерцал мраморный храм Палласа. Он был больше любого храма в Назире. Широкие белые ступени вели вверх по холму к крытой галерее храма с рядами колонн. Свет лился из массивных дверей, словно луч маяка.

Это был один из шести великих монументов мира, в котором основатель города, пророк Паллас, когда-то наставлял

священников, распространявших слова его пророчества по всему миру. Согласно «Истории шести пророческих городов», люди со всего континента Пелагоса раньше приезжали на агору для паломничества в Город веры, чтобы помазаться елеем и оставить фимиам с оливковыми ветвями на ступенях храма.

Но никакие пилигримы не ступали здесь уже сотни лет, с тех пор как исчезли пророки. Здания агоры – хранилища, общественные бани, арены и жилые комнаты служителей – начали разрушаться и обрастать сорняками и высокой травой.

Теперь агора снова кишела людьми и кипела от деятельности. За две недели после переворота беженцы из Херата собрались здесь под защитой Архона Базилевса и конклава священников Паллас Атоса. Вот почему Хассан покинул виллу – чтобы наконец своими глазами увидеть тех других, кто, как и он, бежал из Назиры. Людей, как этот мальчик.

Землистый запах древесного дыма ударил в нос Хассану, когда они с мальчиком проходили через Священные ворота в самобытную деревню. Палатки, навесы и грубо сколоченные укрытия заполняли пространство между старыми строениями. Тряпки и обломки засоряли покрытую грязью землю. Воздух пронзали вопли плачущих детей и резкие ноты споров. Прямо впереди длинная очередь из людей высыпала из строения с колоннами, вынося кувшины и ведра с водой, двигаясь осторожно, чтобы не пролить ни одной драгоцен-

ной капельки.

Хассан остановился, осматриваясь. Он не знал, что именно ожидал найти на агоре, но не это. Юноша со стыдом подумал о чистых садах и роскошных покоях на вилле его тети, пока здесь, всего лишь в километре от нее, его собственные люди толпились в рассыпающихся, ветхих руинах.

Но даже в этом, переполненном людьми беспорядке Хассан почувствовал что-то знакомое. Толпы состояли из темнокожих пустынных жителей и людей из дельты с бронзовой от солнца кожей, таких же как он. Юношу поразила мысль, что он никогда не смог бы спокойно зайти в подобное место, если бы был дома. Конечно, существовали такие празднования, как Фестиваль пламени и Фестиваль паводка, но даже тогда Хассан и королевский двор находились далеко от хаоса и толп, наблюдая со ступеней дворца или королевской баржи на реке Херат.

Его накрыли возбуждение и странное чувство тревоги. Не в первый раз принц видел своих людей после переворота – впервые он видел себя как одного из своих людей.

– Азизи! – сквозь шум толпы, окружающей фонтанный павильон, прорвался панический голос. Женщина с заплетенными темными волосами побежала к ним, а следом за ней женщина с серебристыми волосами, держащая на руках ребенка.

Азизи подошел к темноволосой женщине, которая явно была его матерью. Она крепко обняла мальчика. Потом от-

вела в сторону и начала кричать, прежде чем еще раз крепко-крепко обнять. В ее глазах стояли слезы.

– Прости, ма. Прости, – услышал, подходя, Хассан. Азизи выглядел печальным.

Женщина постарше подошла и остановилась рядом с Хассаном.

– Где вы его нашли?

– На рынке, прямо за воротами, – ответил Хассан. – Он покупал ягнятину.

Женщина издала тихий всхлип, когда ребенок попытался выскользнуть из ее рук.

– Он хороший малыш. – А потом она резко спросила: – Вы тоже беженец?

– Нет, – быстро соврал Хассан. – Просто оказался в нужное время в нужном месте.

– Но вы хератец.

– Да, – сказал Хассан, пытаясь не вызывать ее подозрений. – Я живу в городе. Я пришел сюда, чтобы узнать, есть ли какие-то новости из Назиры. Я... у меня там семья. Мне нужно узнать, в безопасности ли они.

– Мне так жаль, – мрачно сказала женщина. – Очень многие из нас не знают, что случилось с их близкими дома. Свидетели остановили почти все корабли, входящие в гавань и выходящие из нее. Единственную информацию мы получаем от тех, кому удалось сбежать на восток, в пустыню, или к Южному морю.

Хассану было знакомо это чувство. В его спальне на вилле лежал блокнот в кожаном переплете с крупными сведениями о том, что случилось с его городом. Он все еще не знал, что случилось с его родителями. Хассан не мог сказать, из-за того ли это, что сама тетя Летия не была в курсе, или из-за того, что она защищала его от правды.

Он не хотел защиты. Он хотел правды. Юноша собрался с мыслями и спросил:

– А как насчет короля и королевы? Доходили ли какие-то новости о том, что случилось с ними?

– Король и королева все еще живы, – сказала женщина. – Иерофан держит их в плену, но их видели на публике, по крайней мере дважды после переворота.

Воздух покинул легкие Хассана. Закружилась голова. Ему нужно было услышать эти слова. Его родители живы. Но они все еще оставались в Херате, во власти лидера свидетелей.

– Ничего не известно о принце, – продолжила женщина. – Его не видели в Назире после переворота. Он исчез без следа. Но многие из нас думают, что он выжил. Что ему удалось спастись.

То, что Хассан не находился в своих комнатах, когда Иерофан атаковал дворец, было чистой случайностью. Он заснул в библиотеке над томом «Падение Новогардийской империи» и проснулся от шума, криков и едкого дыма. Один из стражников отца нашел его и вывел, держась стен сада, вниз к гавани. Сказал, что мать и отец ждут его на одном

из кораблей. К тому времени как Хассан понял, что страж врёт, он уже плыл прочь от города и маяка, стоящего, как караульный, у входа в гавань.

– Что Иерофан собирается сделать с королем и королевой? – спросил Хассан.

Женщина покачала головой.

– Не знаю. Некоторые говорят, что он держит их в живых, чтобы умилостивить население. Другие говорят, что он использует их, чтобы показать свою власть – как своим последователям, так и одаренным в Назире.

– Свою власть? – повторил Хассан, чувствуя, что она подразумевала что-то еще помимо власти, которую Иерофан имел над своими последователями.

– Свидетели говорят, что Иерофан может помешать одаренным использовать способности, – сказала женщина. – Что в его присутствии одаренные лишатся силы. Его последователи верят, что если покажут себя, то Иерофан научит их пользоваться этой силой.

Хассан сжал челюсти. От мысли о том, что его мать и отец подвергаются такой демонстрации, Хассану стало плохо от ярости. Он не мог не представить себе этого: его мать, гордая и высокая, отказывающаяся склониться. Его отец, мягкий и вдумчивый, скрывает свой страх ради своего народа. Иерофан стоит перед ними, а его лицо скрыто позолоченной маской.

Хассан никогда не видел того, кто лишил его страны, но

другие рассказывали о золотой маске, которую тот носил. Золотая маска с черным солнцем на лбу, скрывающая лицо и личность.

Такой образ человека в маске сложился по отчетам за последние пять лет. Иностранец, проповедующий в восточных регионах Херата. Искусный оратор, способный заставить замолчать одним движением руки или поднять мятеж одним словом. Поговаривали, что Иерофан когда-то был служителем храма Палласа, но отвернулся от пророков и начал проповедовать свою веру. Он учил горожан тому, что сила одаренных неестественна и опасна, его идея нашла последователей, готовых винить одаренных во всех бедах.

Хассан все еще не мог забыть, как встревожен был отец, когда ему доложили о вспышках насилия в отношении одаренных во всех уголках королевства – даже в Назире. Иерофан приказал им осквернить деревенский храм. Иерофан приказал им сжечь дом целителя. Иерофан приказал очистить мир от одаренных.

Иерофан.

– Вам стоит поговорить с хератскими служителями, – сказала женщина, кивая в сторону храма Палласа. – Они помогали другим беженцам. Если ваша семья добралась сюда, они вам сообщат.

Хассан открыл было рот, чтобы поблагодарить ее, но тут воздух пронзил ломающий кости вопль. Люди вокруг них замерли. Не раздумывая, Хассан бросился через толпу к хра-

му. Двое мальчиков проскочили мимо него, направляясь в противоположную сторону.

– Позовите караульных! Позовите караульных! – кричал один из них.

Со все возрастающей тревогой Хассан стал проталкиваться быстрее, пока не оказался на ступенях храма Палласа. Там уже собралась толпа людей.

– Отойди, старик! – рявкнул кто-то со ступеней.

Хассан вытянул шею, чтобы увидеть говорившего. Около двадцати мужчин стояли на ступенях храма, сжимая в руках молоты, палки и дубины. На их одеяниях виднелись узоры черного и золотого вокруг манжет и подола, а откинутые назад капюшоны открывали взору коротко стриженные волосы. У говорившего была куцая седая борода.

Свидетели – последователи Иерофана. Лишь один их вид вызвал бурю ярости внутри Хассана, и он осознал, что проталкивается сквозь толпу. На вершине лестницы старик, одетый в светло-зеленый и бледно-золотой хитон служителя хератского храма, стоял лицом к свидетелям.

– Храм – священное укрытие для нуждающихся, – сказал старик, его голос был тише голоса бородатого свидетеля. – Я не позволю вам осквернить его во имя вашего вранья и ненависти.

– Единственные люди, ищущие здесь укрытие, – одаренные, – прошипел бородатый свидетель. – Они пятнают священную энергию мира своими неестественными силами.

Эти последние слова были сказаны словно для того, чтобы их слышали два других свидетеля. Они казались молоде. Один – низкий с круглым лицом, а другой – высокий и худощавый. Низкий сжимал в трясущихся руках мотыгу. Он выглядел почти испуганным. Но высокий рядом с ним казался зловеще спокойным, только серые глаза блестели от возбуждения. Вместо черно-золотого одеяния на нем была белая сутана. Адепт, не посвященный в свидетели.

Остальные свидетели словно ждали, когда они сделают первый шаг.

Голос бородатого свидетеля становился все громче, пока он продолжал:

– Этот город – доказательство развращенности одаренных. Люди, которые называют себя священниками, проводят время, потакая своим плотским грехам и требуя платы от горожан. Одаренный убийца бесчинствует на улицах, забирая жизни. И теперь эти трусливые одаренные пришли сюда, сбежав от Безупречного и его правды.

Безупречного. Хассан знал эту фразу. Так свидетели называли Иерофана.

– Час расплаты грядет, – сказал бородатый свидетель. – Вскоре ваши продажные короли и ложные священники падут, как и мерзость, сидевшая на троне Херата. Безупречный наградит своих последователей, даже самых новых учеников. Те, что докажут свою преданность его делу, заслужат честь носить метку. – Свидетель закатал рукав. На тыльной

стороне его ладони, покрытой варикозными венами, был выжжен символ глаза с черным солнцем вместо зрачка. – Вот ваш шанс доказать свою верность нашему делу и заслужить метку. Пусть эти выродки боятся его имени. Покажите им правду их извращенности. Покажите им так, чтобы они не смогли отвернуться!

Другие свидетели последовали за мужчиной, закатав рукава, чтобы показать ту же метку, выжженную на их коже.

Старый служитель выступил вперед к круглолицему адепту.

– Тебе не нужно этого делать, – мягко сказал он. – Иерофан проповедует ложь, вам не нужно его слушать.

Круглолицый адепт крепче сжал мотыгу, а его взгляд метался от лидера группы к толпе за ним.

Возле него высокий тощий адепт с отвращением фыркнул.

– Это ваши пророки проповедовали ложь. Я докажу Безупречному свою верность. – Не говоря ни слова, он подошел к служителю и ударил его по лицу. Удар был таким сильным, что старик упал на колени.

В толпе раздались крики. Кровь Хассана вскипела в жилах, подтолкнув его на ступени к свидетелям. Тощий адепт повернулся и плюнул на служителя. Ярость взяла верх над разумом, Хассан схватил адепта за рясу и ударил его прямо в лицо.

Он услышал, как толпа ахнула, когда мужчина отшатнулся

назад.

Бородатый свидетель встал перед ним, разворачиваясь к Хассану.

– Кто, во имя Иерофана, ты такой?

– Тот, кого вам не стоит злить, – ответил Хассан. – Но для этого уже поздно.

Ему страстно хотелось драться, и свидетели были готовы предоставить ему такую возможность. Они являлись теми фанатиками, которые захватили его королевство и пленили его родителей. И пока ближе к Иерофану Хассан подобрать-ся не мог.

Тощий адепт подошел к ним, оскалив зубы:

– Еще одно одаренное отребье использует на нас свою злокозненную силу. Твои пророки прокляли тебя, когда дали тебе Дар.

Хассан покраснел от злости – и стыда. Потому что он не был одаренным. Хотя этот факт не уменьшил его злости к свидетелям и их извращенной идеологии. Ему хотелось об-разумить адепта – и в то же время ему хотелось, чтобы тот его боялся, думал, что он один из одаренных.

В шести пророческих городах и за их пределами одарен-ных почитали за их способности. Первым из них силы были даны пророками. Хотя каждый год рождалась всего пара ты-сяч одаренных, многие из них занимали важные должности.

Все короли и королевы, сидевшие на троне Херата до се-годняшнего дня, имели Дар. Хассан провел большую часть

жизни, мечтая, чтобы в нем открылся один из телесных даров. Способность исцелять Даром крови или предвидеть Даром взора. Он мечтал обладать, как отец, Даром разума, который был способен создавать предметы, наполненные священной *эшой*, творящей чудеса. Или Даром сердца матери, который сделал ее такой же сильной, как вол, и быстрой, как гадюка. Он давал способности видеть в темноте и слышать сердцебиение за сотни метров.

С ходом времени желание Хассана становилось все более отчаянным. Часто Дар открывался у людей в возрасте всего семнадцати лет, а его родители и бабушка с бабушкой осознали свой Дар до двенадцати. Теперь, в шестнадцать, Хассан уже давно похоронил надежду обрести Дар. Слова адепта только подняли на поверхность его детский стыд.

Хассан бросился на тощего адепта, все тело ломило от чистой ярости. Он вытянул руки, согнув пальцы, и приготовился схватить адепта за горло. Но что-то врезалось в него со стороны, и, повернувшись, Хассан увидел низкого круглолицего адепта над собой.

Он снова замахнулся на Хассана. Тот увернулся, опустившись на одно колено. Подняв взгляд, он увидел, что высокий тощий адепт схватил старого служителя за одеяния.

– Безупречный узнает силу моей преданности! – крикнул тощий адепт, протянув руку к ремню и вытащив сверкающий нож. – Пророков больше нет, и за ними последуют одаренные!

– Нет! – крикнул Хассан, прыгая к ним. Он с силой оттолкнул адепта с пути и пригнулся, чтобы сбить с ног тощего. Но тот отошел и повернулся к Хассану со сверкающим в руке лезвием.

Хотя Хассану не хватало скорости и силы одаренных, мать научила его защищаться. Он развернулся на пятке и выбросил руку по направлению к ножу. Лезвие попало в голую плоть под локтем. Боль обожгла его, но он не позволил ей повлиять на концентрацию. Другую руку Хассан протянул к ножу и оттолкнул его от своего тела.

Они с адептом сцепились в смертельной схватке, толкая друг друга, поднимая нож высоко над головой. Теплая кровь капала на плечо Хассана, вся его рука пульсировала и горела от боли. Он взглянул в широко распахнутые глаза адепта. Глубокий, обжигающий гнев, копившийся в Хассане последние две недели, вырвался из него, когда он вырвал нож из рук противника.

Он опустил взгляд на лезвие в руке, испытывая желание вонзить его прямо в сердце адепта. Словно мог заставить его заплатить кровью за всю ту боль, что эти люди, их лидер причинили его дому.

Но прежде чем он успел что-то сделать, атака со спины толкнула его вперед. Нож со звоном упал на землю, и мир поплыл перед глазами, когда Хассан свалился на ступеньки храма. Он выбросил руки вверх, чтобы защититься, когда на него двинулись другие свидетели с оружием наготове.

Но ударов не последовало. Хассан услышал резкий вздох и стук трех тел, падающих на мраморные ступени.

Подняв взгляд, он увидел только свет.

На ступенях посреди трех распластавшихся свидетелей стояла девушка. Она точно была хераткой. Ниже, чем Хассан, но подтянутая, с гладкой темной кожей и густыми черными волосами, собранными в пучок. По бокам волосы были коротко острижены в стиле хератских легионеров. Ослепляющий свет, как он теперь увидел, был отражением полуденного солнца в лезвии изогнутого меча, который она держала в руках.

Еще два хератских мечника стояли по бокам от нее, сузив глаза и глядя на свидетелей, которые быстро отступали.

– Убирайтесь отсюда сейчас же, – сказала она свидетелям на ступенях. У нее был низкий командный голос. – Если еще раз ступите на землю этого храма, он станет последним посещенным вами местом.

Свидетели, которые казались достаточно храбрыми, выступая против служителя и невооруженных беженцев, были не готовы сражаться с одаренными хератскими легионерами с мечами в руках. Они побежали по ступеням храма прочь, оглядываясь через плечо.

Только бородатый свидетель остался позади. Он поднялся со ступенек.

– Грядет час расплаты для всех вас! – яростно заявил он, а потом повернулся и последовал за другими прочь от храма.

– Ты их испугала, – сказал девушке один из мечников.

Она покачала головой.

– Они вернутся, как крысы. Но мы будем готовы.

– О, смотрите, – сказал другой мечник, указывая на ступеньки храма. – Караульные прибыли. Как раз вовремя, чтобы пропустить все веселье.

Хассан повернулся и увидел знакомую голубую униформу городских караульных, марширующих сквозь расходящуюся толпу. Во времена пророков город и храм Палласа защищались паладинами Ордена последнего света – одаренными солдатами, служившими пророкам. Но когда пророки исчезли, то же случилось и с Орденом, теперь защита города перешла в руки караульных, созданной на скорую руку силе неодаренных наемников.

– Ты в порядке? – спросила хератка.

Хассану понадобилось мгновение, чтобы понять, что вопрос адресован ему. Он повернулся к девушке и проследил за ее взглядом до своей руки. Она была покрыта засыхающей кровью.

– Это просто порез, – ответил он. Его злость подавляла боль, но, глянув на рану, он внезапно почувствовал головокружение. На смену буре его злости пришло тихое бурление. Он почувствовал, как подкрадывается головная боль.

– То, что ты сделал, было очень глупо, – сказала она. Одним грациозным движением она убрала изогнутый меч в ножны на поясе. – Глупо, но храбро.

Желудок Хассана сделал сальто.

– Я раньше не видела тебя в лагерях, – сказала она, склоняя голову набок.

– Я не беженец, – выпалил он. – Я здесь учусь.

– Студент, – повторила девушка. – Академос достаточно далеко отсюда, не так ли?

Хассана спасло от необходимости отвечать появление старого служителя.

– Эмир! – воскликнула девушка. – Ты не ранен?

Служитель отмахнулся от нее.

– Нет-нет, со мной все в порядке, Кхепри. Не нужно волноваться. – Он повернулся к Хассану. – Кажется, вы кое-что уронили. – Он протянул руку.

– Мой компас! – Хассан потянулся к нему.

– Я не мог не заметить, что у него особое устройство, – сказал Эмир. – Он указывает на маяк Назиры, не так ли?

Хассан медленно кивнул. Маяк был символом Назиры Мудрой, пророчицы, в честь которой называли столицу Херата и чье пророчество привело к его основанию.

Отец передал ему компас на шестнадцатый день рождения. Он сказал, что знает, Хассан сохранит компас и, когда придет время, королевство тоже. К тому моменту Хассан уже потерял надежду занять трон после отца в качестве короля Херата.

– Не могу, – запинаясь, ответил Хассан отцу. – Я не... у меня нет Дара. Даже если ученые говорят, что еще есть

время ему проявиться, мы с тобой знаем, что уже слишком поздно.

Его отец провел большим пальцем по маяку, вырезанному на компасе.

– Когда пророчица Назира основала этот город, ей пришло видение этого маяка, маяка знаний и разума. Она увидела, что, пока стоит маяк Назиры, род Сэйф будет править королевством. Твой Дар может проявиться завтра. Или никогда, – сказал он. – Но с Даром или без, ты мой сын. Наследник рода Сэйф. Если ты потеряешь веру в себя, компас приведет тебя к ней.

Слова отца все еще эхом отдавались в его голове, когда Хассан убрал компас и встретился взглядом с любопытным служителем. Горел ли в его глазах простой интерес или что-то большее, догадка? Узнал ли он Хассана?

– Назира? – спросила хератка. – Ты оттуда?

– Он принадлежит моему отцу, – ответил Хассан. Не ложь. – Он там родился.

Из-за мыслей об отце на сердце Хассана стало тяжело. Что бы тот сказал, если бы увидел, как Хассан сегодня отреагировал? Стыд накрыл его из-за того, как легко он позволил ярости взять верх.

– Я... мне нужно идти.

– Тебе нужно к целителю, – сказала хератка. – В лагерях есть парочка. Уверена, они будут рады осмотреть твою руку, особенно узнав, как ты...

– Нет, – отрезал Хассан. – Спасибо. Вы очень добры, но мне нужно возвращаться.

День становился прохладнее, и Хассан знал, что у него осталось меньше часа, прежде чем слуги тети пойдут звать его на ужин и поймут, что его нет в покоях. Ему нужно было время, чтобы вернуться и замаскировать свою рану.

– Ну, – тепло сказал служитель, – возможно, ты еще придешь.

– Да, – сказал Хассан, глядя на хератку. – То есть постараюсь.

Он поспешил прочь от храма, назад к Священной дороге. Но, добравшись до ворот, он повернулся и посмотрел на агору и временный лагерь у подножия храма Палласа. Позади него солнце опускалось в блестящее бирюзовое море, и Хассан уже видел, как зажигались первые лагерные костры, вспыхивая и посылая струи дыма в небо, словно молитвы.

3

АНТОН

ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО В САДАХ ТАЛАССЫ.

На улицах всегда становилось больше караульных, когда Антон проходил через ворота, отделяющие Нижний город от Верхнего. Но сегодня их было слишком много. Десятки караульных в голубой униформе, украшенной оливковым деревом, собрались вокруг таверн и общественных бань по сторонам площади Элия. Целый отряд с мечами на поясе стоял возле Талассы.

Антон протолкнулся через толпу перешептывающихся владельцев магазинов и других любопытных зрителей туда, откуда ему было видно группку людей в одинаковой оливковой форме, такой же как и на нем.

– Наконец ты здесь! – раздался веселый голос. Кто-то схватил Антона за запястье и потащил через толпу к внешней стене садов Талассы. – Ты выбрал ужасный день, чтобы опоздать на работу.

– Стой, Козима, – сказал Антон, моргая и глядя на коллегу-официантку. – Что происходит?

Козима затянулась своей сигариллой и выдохнула густой клуб валерианового дыма прямо ему в лицо, ее светло-карие

глаза засветились.

– Произошло убийство.

– Что... здесь? – спросил Антон. – Гостя?

Козима кивнула, стряхивая пепел с сигариллы.

– Священника. Армандо Курио.

– Кого?

Она закатила глаза.

– Конечно же. Забываю, что ты не отсюда. Курио один из священников храма Палласа, но у него здесь другая репутация.

В садах Талассы нередко видели представителей духовного сана с определенной репутацией. Со дня основания города игорные дома и другие нечестивые заведения должны были находиться только в Нижнем городе, где жил Антон. Верхний город, где проживали священники и представители высших сословий, был предназначен для благочестия и набожности. Возможно, когда-то так и было. Но теперь священники, казалось, были заинтересованы только в обогащении и утолении своих собственных грехов, жажде роскоши в таких местах, как сады Талассы, – местах, где такие потребности скрывались под маской респектабельности.

Козима еще раз затянулась сигариллой.

– Думаю, неудивительно, что выбрали его.

Антон резко глянул на нее.

– Что ты имеешь в виду под «выбрали»?

– Говорят, – сказала она, беззаботно растягивая слова, как

тогда, когда хотела, чтобы он следил за каждым ее словом, – что его убила Бледная Рука.

– Кто говорит?

Козима лишь махнула рукой в облачке дыма.

– Стефанос говорит, что видел, как выносили тело. Бледный отпечаток руки на горле, как и на жертвах в Тарсеполисе.

– Стефанос идиот, – машинально ответил Антон. Но по коже побежали мурашки. Антон впервые услышал, что Бледная Рука в Паллас Атосе. Но ходили слухи о таинственных смертях, отмеченных бледным отпечатком руки, когда он жил в Тарсеполисе. Юноша слышал, что в Чарисе об этом говорили уже почти пять лет.

Все пересказывали одно и то же – что Бледная Рука убивала только тех, кто этого заслуживал.

– Как думаешь, почему она выбрала его? – спросил Антон. – Что он натворил?

– Все как всегда.

Это означало кражу богатств из городских храмов ради роскошных встреч, на которых священники могли есть, пить и утолять свои желания с мужчинами и женщинами, приглянувшимися им.

– И что хуже, – продолжила она, – у Курио был Дар разума, и все говорили, что он талантливый алхимик. Только он не создавал лекарства или снадобья удачи. Ходили слухи, что Курио специализировался на эликсирах, которые дела-

ли тебя покорным и сговорчивым. Говорят, он ходил в Нижний город, находил там мальчиков и девочек и приглашал их стать послушниками в храме. Он опаивал их этой штукой и... ну...

Желудок Антона сжался. Он знал, какие страшные вещи могущественные люди делали с уязвимыми.

– О чем вы двое шепчетесь?

Антон повернулся и увидел не кого иного, как Стефаноса, подходящего к ним. Самодовольный и полный чувства собственной важности, Стефанос работал камердинером в Талассе. Гости, кажется, любили его так же, как презирали работники. Он всегда мешался под ногами на кухне, требуя дегустации блюд, якобы чтобы убедиться, что они соответствующего качества. Мужчина всегда громко хвастался тем, какого священника или торговца он обслуживал этой ночью. Единственным качеством, за которое его можно было терпеть, было проигрывание больших сумм денег Антону во время игры в канбарру.

Антон не удивился, что Стефанос решил использовать это убийство, чтобы показаться важным.

Но ему все еще было любопытно.

– Козима сказала, что ты видел тело.

Стефанос глянул на Антона, и его полные губы растянулись в усмешке.

– Да?

– Ну? – спросил Антон, вскидывая бровь. – Это правда?

Стефанос обнял Антона за плечи.

– Слушай, я повидал всякого неприятного в своей жизни. Но это? Там? Это была самая проклятая Тарсеисом вещь, которую я видел. На том парне даже царапины не было. Все-го одно прикосновение, и он... – Стефанос изобразил перерезанное горло. – Заставляет задуматься... может, пришло время открыть наши глаза на то, насколько в действительности опасны одаренные.

Антон непроизвольно поежился.

– Ты идиот, – сказала Козима Стефаносу, повторяя ранее произнесенное замечание Антона.

Стефанос повернулся к ней с усмешкой.

– Ты бы поняла, если бы увидела.

– Ты говоришь так, словно готов обрить голову, как остальные из этих фанатиков в капюшонах, – сказала Козима, выпуская еще один клуб дыма.

– Здесь больше нет пророков, чтобы сдерживать одаренных, – сказал Стефанос. – Мы видели, что священники творят здесь просто потому, что они одаренные и считают, что это делает их лучше нас. И теперь такие люди, как Бледная Рука, орудуют в городе, убивая кого хотят своими неестественными силами.

– Стой, то есть ты хочешь сказать, что Курио заслужил это или что Бледную Руку нужно остановить? – театрально переспросила Козима.

Глаза Стефаноса вспыхнули.

– Я говорю, что, возможно, свидетели правы. Может, пришло время миру наконец освободиться от одаренных.

В горле Антона внезапно пересохло. Стефанос был раздражающим, но Антон никогда раньше не боялся его. Но теперь мрачные слова мужчины заставили его похолодеть. Он не знал – не мог знать, что Антон был одним из тех людей, которых свидетели хотели стереть с лица земли. Подобно священникам Паллас Атоса и Бледной Руке, Антон был одаренным.

Козима пихнула Стефаноса в плечо.

Стефанос отшатнулся, сжимая руку.

– Ой! За что?

– Чтобы ты перестал болтать своим тупым языком, – ответила Козима. – А что следующее? Ты сожжешь святилище, чтобы доказать свою верность Иерофану? Говорят, тот, кто присоединяется к свидетелям, должен быть жесток к одаренным.

– Они противостоят одаренным, – сказал Стефанос. – Кто-то же должен.

– Что, правда? – резко ответила Козима. – А как насчет того, что Вазия рассказала нам на прошлой неделе за игрой в канбарру? О человеке, убившем своих одаренных детей посреди ночи, чтобы доказать преданность свидетелям. Или, думаешь, те дети это заслужили, раз были одаренными?

– Это просто слухи, – фыркнул Стефанос. – Этого не происходило.

– Да ладно, – горячо возразила Козима. – Этот Иерофан заставляет людей рисовать татуировки горящих глаз на коже и убеждает их, что одаренные оскверняют мир. Ты серьезно думаешь, что эти фанатики на что-то не способны?

– Да какая разница? – сказал Стефанос. Последний раз фыркнув, он ушел, чтобы осчастливить своей историей другую группу работников Талассы. Козима смотрела на Антона, пока Стефанос уходил, в выражении ее лица промелькнула тревога.

Антон натянул фальшивую улыбку.

– Этот парень настоящий идиот.

– Кажется, он верит всей нелепице, которую проповедуют свидетели, – сказала Козима, бросив окурок сигариллы на пол. – Они точно такие же, как он, – несут бред, чтобы привлечь внимание. Из кожи вон лезут, чтобы получить благословение тех, кто заявляет, что обладает властью.

– Ага, – согласился Антон, натянуто усмехнувшись. Смех показался ему пустым, но Козима словно не заметила.

– Давай, – сказала она, игриво отвесив ему подзатыльник. – Пойдем внутрь, прежде чем на нас накричат. Или на меня накричат. Почему-то тебя это обычно минует.

Антон увернулся от ее руки.

– Потому что все меня любят.

– Не могу представить почему.

Радостный звон и звуки готовящегося ужина окутали их, пока они пробирались через кухню в ванны для слуг, что-

бы помыться. Антон повернул медный кран, позволив теплой воде наполнить низ резервуара, и постарался очистить разум от мыслей о Бледной Руке или свидетелях. Они никак не были с ним связаны. Никто в городе не знал, что у него Дар. Не было причин думать, что это изменится.

– О, Антон! – радостно воскликнул голос рядом с ним. – Я тебя ждал.

– О, правда? – с напускной скромностью переспросила Козима. Круглые щеки Дариуса сразу же порозовели. Новичок и самый молодой из слуг Талассы, Дариус приклеился к Антону почти сразу же. И Антон был бы не против, если бы не тот факт, что Дариус невероятно ужасно выполнял свою работу, находясь рядом с Антоном. Не было и дня, когда Дариус не уронил бы поднос или не врезался бы в стол в присутствии Антона.

– Я... то есть тут гость, – заикаясь, сказал Дариус, избегая взгляда Антона, – спрашивает про тебя.

– Гость? – воскликнула обрадованная Козима. – Спрашивает Антона? Какой гость?

Помимо случайных клиентов, которые искали нечто большее, чем просто ужин, никто не приходил повидать Антона в Талассе. Это был бесконечный источник разочарования для Козимы, которой необходимо было совать нос в личные дела всех людей.

– Э, – сказал Дариус, покусывая нижнюю губу. – Женщина. Она выглядела богатой.

– Конечно, она богатая, – отмахнулась Козима. – Чего она хотела?

– Я не знаю. – Дариус смотрел на Антона так, словно подозревал, что у того есть ответ.

Антон глянул на пену на пальцах.

– Спасибо, Дариус. – Он повернулся и улыбнулся ему самой очаровательной улыбкой. – Тебе лучше идти. Не стоит позволять Арктусу накричать на тебя из-за меня.

Дариус кивнул, его щеки еще больше покраснелись, и он побежал прочь, врезавшись в поднос медовых десертов на выходе.

Антон отправился вытирать руки, но Козима забрала полотенце прежде, чем он успел его взять.

– Кто эта гостя, а? Ты что-то от меня скрываешь? Занимаешься какими-то делами после смены?

– Такой респектабельный парень, как я? – спросил Антон, широко распахнув невинные глаза и забирая полотенце из рук Козимы.

– Ну ладно тебе, ты ничего не расскажешь?

Он натянул на лицо беззаботную усмешку и кинул полотенце в корзину.

– Я думал, тебе нравится моя таинственность.

– Ты перепутал меня с Дариусом, – фыркнула Козима. – Бедный влюбленный ребенок.

Антон подмигнул ей, проходя мимо.

– Увидимся сегодня вечером за канбаррой.

Прежде чем она успела ответить, юноша вернулся на кухню, увернулся от слуги с подносом, на котором стояли корзинки с лепешками, и направился к двери. Раскаленный свет горел над двором, заставленным столами и стульями. Мостики и покрытые плиткой дорожки пересекали многоуровневые, отражающие свет пруды, затененные широколиственными деревьями и навесами из нежно-розовой и золотой ткани.

Шагнув в сады, он почувствовал знакомый низкий, нарастающий гул, который всегда охватывал его в толпе. Антон приготовился к атаке *эша*, исходящих от всех сидящих во дворе: от торговцев, священников и иностранных видных деятелей, попивающих алхимическое вино, до слуг, которые сновали среди них с подносами глазированной ягненка, и танцоров, дразнящих их в ярких, как драгоценные камни, шелках. Через какофонию их болтовни и нежную мелодию лиры слышался пульс мира, который мог чувствовать только Антон.

Ну не только Антон. Были и другие, как он, обладатели Дара взора, хотя лишь немногие были так же чувствительны к вибрации священной энергии мира. Антон привык отключать ее, игнорируя прилив и отлив *эша*, но сегодня ночью, пробираясь через сады, он позволил им накатить на себя. Он искал одну определенную.

Юноша почти сразу почувствовал ее – высокий, чистый звон колокольчика внутри себя. Тот принадлежал, как он

знал, женщине, сидящей за столом в дальнем углу двора, наблюдающей за ним со всем возможным вниманием.

Никто не подумал бы, что эта женщина в темно-фиолетовых элегантных одеждах в Талассе не к месту. На ее длинной шее висело ожерелье из изумрудов. Но в глазах Антона она выделялась, как туз корон в раздаче канбарры. Она выглядела точно так же, как и когда он видел ее в прошлый раз, – все те же чернильно-черные волосы, собранные в изысканную прическу, то же темное, круглое лицо, никак не отражающее возраст. Та же *эша*, напоминающая звон серебряных колокольчиков.

– Ужинаете одна? – спросил он, подходя к ее столу.

– Вообще-то, – ответила женщина, – мой сотрапезник только что прибыл.

Она назвалась миссис Таппан, когда они впервые встретились, но Антон помнил, как легко она меняла имена. Он не знал, как ее по-настоящему зовут, а она никогда не рассказывала. Ему было неизвестно, что именно ей нужно от него. В наиболее сентиментальные моменты он мог убедить себя, что она искренне хотела ему помочь. Чаще он думал, что ее развлекали игры.

Ему это подходило. Антону нравились игры.

– Чего вы хотите?

Она аккуратно сложила руки на мраморном столе.

– Я слышала, что здесь подают отменного ягненка.

– Вы знаете, что я имею в виду.

– Я заходила в твое очаровательное местечко прошлой ночью, – прокомментировала она, словно не услышав его. – Жаль, что не застала тебя. Должно быть, работаешь допоздна.

Антон не был удивлен, что Безымянная дама пыталась зайти к нему домой. Неверняка она знала, где он живет.

– Хотя мне интересно, почему с такой почтенной работой ты не переехал во что-то более... уютное.

– Это новая работа, – солгал Антон. – Я едва ли еще заработал достаточно, чтобы оплатить аренду за последний месяц.

По тому, как она прищурилась, Антон понял, что женщина распознала ложь, но он не хотел предоставлять ей такого удовольствия и озвучивать правду вслух. Он мог бы позволить себе комнаты получше, но держал свою крошечную квартирку в Нижнем городе, потому что в случае необходимости ее можно легко оставить. Последние шесть месяцев были самым долгим периодом, проведенным на одном месте, с самого его детства, но это не означало, что Паллас Атос стал его домом.

– Чего вы хотите? – снова спросил он.

Дама вздохнула, словно отсутствие манер с его стороны было личным оскорблением для нее.

– Принеси мне бокал вина, и мы поговорим. Что-нибудь из Эндарриона, если у вас есть. Ничего местного, вино здесь – помой.

Антон развернулся, поспешив через двор к винному погребу. На верхней ступеньке он остановился, размышляя, можно ли просто продолжить идти, прочь из дверей таверны, в лабиринт улиц, где он сможет потерять ее и себя.

Это не имеет значения. Она снова выследит его.

Впервые она сделала это больше года назад в игорном доме, в городе каналов на юге от Тарсеполиса. Антон провел шесть ночей на первом этаже за карточным столом, наполняя карманы монетами богатых людей, пришедших выпить и поиграть в азартные игры.

Но на седьмую ночь, сидя за карточным столом, Антон оказался лицом к лицу с элегантной женщиной, которую никогда раньше не видел.

Даже тогда ее *эша* показалась другой, отличной от хора остальных, жужжащих в наполненной дымом комнате для игры в карты. Она напомнила ему о серебре, ярком, но неуловимом. Дама налила ему напиток и раздала карты для канбарры, словно ждала его. Антону хотелось встать и сразу же уйти, но быстрый взгляд в сторону показал ему двух стражников, стоящих сбоку от него.

– Расскажи мне, – сказала тогда она, – сколько денег ты заработал за моим карточным столом за последние несколько ночей.

Он заморгал, глядя на нее.

– Я не жульничаю.

– А я такого и не говорила. Я спросила, сколько ты зара-

ботал.

– Зачем? – спросил Антон. – Хотите предложить мне нечто получше?

Она вскинула бровь в явном изумлении.

– Назови мне свое имя.

– Я никто.

Она улыбнулась ему, но Антон почувствовал, что ее взгляд раздел его догола.

– Антон, – наконец произнес он.

– И сколько тебе лет, Антон?

Семья никогда по-настоящему не отсчитывала его дни рождения. Возможно, пятнадцать? Он знал, что уже прошло четыре года с тех пор, как он сбежал из дома отца и бабушки.

– Достаточно.

Ответ позабавил ее еще больше.

– Достаточно? Для чего?

– Сомневаюсь, что вы пришли сюда, чтобы укорять меня и задавать вопросы.

– А зачем тогда? Чтобы тебя наказать?

– Нет. – Голос Антона оставался спокойным. – Чтобы использовать меня.

Он помнил, как жидкость в ее бокале блестела, словно полированная медь, когда она медленно сделала глоток.

– И для чего тебя лучше всего использовать, Антон?

– Это же игорный дом, не так ли?

– И ты предлагаешь свои услуги? – спросила она. – Со-

блзнятя богатых, пьяных мужчин и изображая их любимчика?

– Что, – ответил он, сверкая улыбкой, – думаете, я с этим плохо справлюсь?

Она даже рассмеялась после этих слов. Ее смех напомнил Антону, какой была ее *эша*, чистой, как колокольчик.

– Думаю, это скорее пустая трата твоих способностей.

По спине Антона пробежал холодок.

– Ты неправильно понял. Я не хочу использовать тебя, Антон. Я хочу тебе помочь.

– Как? – спросил юноша, не веря ее словам. Никто не помогает, не желая чего-то взамен. Последние четыре года научили его этому.

– Этот игорный дом просто развлечение, – сказала она, отмахиваясь. – Мое настоящее предприятие – агентство провидцев.

– Вы охотник за головами.

Она щелкнула языком.

– Мне не нравится это название. Слишком похоже на наемника.

Охота за головами и была работой наемников. Агенты-провидцы зарабатывали, используя Дар взора, чтобы отследить преступников, и получали большие деньги за доставку их тем людям или городским правителям, которые хотели предать их правосудию. Но деньги можно было заработать, и взявшись за дела любого, кто очень хотел кого-то

найти, не важно, преступника или нет. За очень высокую цену охотник за головами мог найти того, кто вам нужен, – людей, которые, как Антон, не хотели, чтобы их нашли.

– И вы здесь для того, чтобы?.. – Страх забился под его ребрами при мысли, что эту женщину послали за ним. Его бабушка была слишком бедной и несчастной, чтобы иметь дела с такой элегантной горожанкой, тем более охотницей за головами. Но это мог сделать кое-кто другой.

– Никто не давал мне твоего имени, – сказала она. – Хотя теперь мне любопытно, кого ты в этом подозреваешь? Отверженного любовника, возможно? Ты похож на того, кто небрежно обращается с чужими сердцами.

Пульс Антона успокоился.

– Так почему вы мне это рассказываете?

– Я же сказала тебе, я хочу помочь. – Поставив бокал на стол, она наклонилась к нему и произнесла голосом, похожим на дым: – Я знаю, кто ты. Пора перестать прятаться.

Эта мысль заставила его захотеть вылететь вон из игорного дома и пуститься в бегство.

Но он этого не сделал. Не той ночью.

Музыканты, играющие на лире в Талассе, уже завершали свою песню, когда он вернулся во двор с кувшином красного вина из виноградников за Эндаррионом. Аплодисменты, доносящиеся от соседних столиков, шумели в его ушах, пока он наливал вино в хрустальный бокал.

– Присаживайся, – сказала Безымянная дама, жестом ука-

зывая на пустой стул напротив нее. Антон напряженно сел, когда звон царапающих вилок, непонятный шум и яркие первые ноты новой песни наполнили тишину между ними.

– Тут явно лучше, чем на той свалке, где я видела тебя в последний раз, – одобрительно сказала она. – Можно подумать, ты можешь о себе позаботиться. Работа, крыша над головой.

Он пожал плечами. По крайней мере на бумаге Антон наконец стал действующим членом общества.

Женщина ухмыльнулась, поворачивая запястье так, чтобы свет падал на темно-красное вино в ее бокале.

– Все же нельзя не заметить, что ты зря растрачиваешь свой талант.

Антон выдохнул и почти рассмеялся.

– Снова про это?

Она была одной из четырех людей в мире, которые знали, что у Антона есть Дар зрения. Она была той, что дала ему первый урок прорицания, обучала его, как сосредоточивать вибрации священной энергии вокруг него, как бросать естественный магнит в омут провидцев, чтобы найти ритм чьей-то определенной *эши*. Его первый и единственный урок.

– У меня для тебя работа.

– Не заинтересован, – сразу же ответил он.

– Ты даже не слышал, что это.

– Не важно, – сказал юноша. – Ты уже знаешь мой ответ.

– Знаю, – согласилась она, сделав глоток вина. – Но это не

просто работа. Только ты можешь ее выполнить.

Дар взора был самым редким, и даже среди его обладателей большинство было ограничено в способностях поиска. Но прежде чем дать Антону его единственный урок пророчества, она сказала, что увидела в нем потенциал большой силы – возможно даже, большей, чем ее. То, как он мог чувствовать *эшу*, даже не стараясь, то, что он знал, одаренный кто-то или нет, то, с какой легкостью он определял их ритмы, – это был инстинкт.

– Только вы знаете, что я не могу, – ответил Антон. – Вы это поняли.

В тот день, когда она постаралась обуздать его возможности, Антон очутился с легкими, полными воды, и пониманием, что его сила затемнена чем-то другим – кошмарами, возвращающими его в прошлое, которое, как он думал, оставил позади. Кошмары приходили, когда Антон пытался использовать Дар. Безымянная дама видела, что они с ним сделали, вытащила его из омота провидцев и наблюдала, как он пытался восстановить дыхание.

Именно тогда Антон снова начал сбегать, даже зная, что она одаренная, как и он, и снова найдет его. Снова. И снова. И в конце концов это она и делала. В каналах Валетты, в городах на побережье Пелагоса – и теперь в Паллас Атосе. Он не сомневался, что женщина будет преследовать его по всем шести пророческим городам, если ей придется. Сейчас он уже ждал визитов Безымянной дамы. Юноша не научился

по-настоящему доверять ей, но за последнюю пару лет она стала одной из тех, на кого можно положиться. До нее единственной неизменной частью его жизни был побег.

Каждый раз, когда она его находила, она предлагала ему одно и то же: научиться управлять Даром. Каждый раз Антон отвечал ей одно и то же.

С того дня в омуте провидцев он делал все, что мог, чтобы построить стену между собой и своим Даром. Он научился подавлять кошмары. Но в тот момент, когда Антон пытался использовать Дар, кошмары снова обнажали зубы, словно волки, привлеченные запахом крови.

Безымянная дама сделала еще один глоток вина.

– Однажды, Антон, тебе придется побороть свои глупые маленькие страхи.

– Вы закончили? Потому что как бы весело ни было снова встретиться, мне действительно нужно вернуться к работе. – Он начал подниматься, но она потянулась через стол, положив ладонь на его руку, останавливая его.

– Я не закончила. – Ее тон изменился – дразнящий оттенок исчез. Взгляд ее темных глаз стал пронзительным. – Думаешь, я приехала в Город веры только затем, чтобы услышать отказ?

Рука Антона дернулась под ее ладонью.

– Так если не из-за работы, из-за чего вы приехали?

– Из-за работы, – сказала она. – Ты работа.

Он замер. То, чего он боялся, то, о чем он подозревал с

первой встречи с Безымянной дамой, оказалось правдой.

– Кто-то сообщил вам мое имя.

Со стола рядом с ними донесся взрыв смеха, но внимание Безымянной дамы оставалось приковано к Антону. Она кивнула.

– Знаешь, кто это?

Сердце Антона больно колотилось.

– Нет.

– Ты лжешь.

Его ладони чесались из-за пота, но в остальном он был холоден как лед. Дама была права. Он точно знал, кто дал ей его имя. Единственный другой человек в мире, кто стал бы искать его.

– О, – сказала Безымянная дама. – О боже. Ты боишься. Ты в ужасе.

Антон сжал челюсти, его дыхание вырывалось жаркими и быстрыми вздохами, пока он сжимал руками край мраморного стола.

– Вы не можете рассказать ему. Вы не можете сказать ему, где я. Пожалуйста.

– Я могу сказать ему, что у него ложная информация, – ответила она. – Он знает, что мы выполняем свою работу, только если имя правильное. Я просто скажу ему, что у него неверные сведения.

Антон покачал головой.

– Не надо, – выдохнул он. – Не делайте этого. Он поймет,

что вы лжете.

– Я лгу намного лучше, чем ты.

Вкус льда горел в его горле.

– Это не важно. Он поймет.

– Если я откажусь от его запроса, он обратится с ним к другому. – Теперь она говорила нежно. – Он уже мог так поступить. Провидческое агентство миссис Таппан, может, и лучшее, но есть и другие, готовые повесить собственных матерей ради таких денег, какие он предлагает нам.

Мысли Антона споткнулись об эти слова. Мужчина, разыскивающий его, видимо, собрал огромную сумму денег – достаточную, чтобы нанять охотника за головами, берущегося за дела, на которые другие не соглашались. Это должно было бы удивить Антона, но не удивило. Несмотря на свою скромность, этот человек всегда точно знал, как разыграть карты, чтобы получить наибольшую награду.

– Один из них найдет тебя, Антон. Если уже не нашел.

Он оказался внутри кошмара, одиннадцатилетний, ледяная вода прорвалась в его легкие. Руки удерживали его под темной водой.

Юноша резко оттолкнулся от стола.

– Антон. – Безымянная дама схватила его за запястье. Хватка была неожиданно крепкой. – Некоторые люди могут помочь тебе... справиться с этим. Не нужно снова убегать.

Он едва слышал ее слова через громохание пульса. Высвободив руку, он бросился через двор, обегая официантов

и смеющихся патронов, направляясь к лестнице, ведущей на крышу. Юноша вскарабкался наверх, почувствовав прилив тошноты. Пока он продолжал двигаться, продолжал подниматься, она его не догонит.

Воды здесь не было.

И льда не было.

Только страх.

Как только он добрался до крыши, его накрыла теплая ночь. Над ним, подсвеченный сотнями далеких огней, за городом наблюдал храм Палласа. Антон подлетел к краю крыши. Мраморная балюстрада была холодной и крепкой под его руками. Он смотрел мимо портика Талассы, фонтана и оливковых деревьев в центре площади Элия. Длинная бледная протяженность Священной дороги вела от самого храма Палласа через главные городские ворота в Нижний город, где улицы становились узкими и темными, полными обещаний и опасности.

До той крошечной квартирki Антон провел много ночей, засыпая на крышах и на балках, как птица в гнезде. С высоты ему было видно все, что происходило внизу, и ничто из этого не могло его задеть.

Он все еще боялся, но один только страх не мог его убить.

В конце концов, он и раньше выживал. Мужчина, разыскивающий его, мужчина, сообщивший его имя Безымянной даме, – Антон не видел его с того самого дня на льду, когда вода была такой холодной и накатывала тьма. Иногда он

чувствовал себя в ловушке того кошмара, в воспоминании о том, что этот мужчина пытался сделать.

Но тем испуганным тонущим мальчиком он больше не был. Антон оставил того мальчика среди мертвых.

СОЛНЦЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЛО САДИТЬСЯ над фортом Керамейкос, когда Джуд репетировал длинную последовательность коа у подножия самого большого водопада долины. Он без усилий стоял на одной ноге, плавно раскидывая и перекрещивая руки согласно ритму своего дыхания. В последовательности коа было пять элементов – баланс, слух, взор, скорость и фокус. Узкая скала не позволяла ошибаться, но именно поэтому Джуду и нравилось это место. Когда он концентрировался на балансе, своем теле и Даре, его мысли растворялись, словно утренняя дымка.

– Так и думала, что найду тебя здесь, – над шумящей водой раздался голос, который отлично улавливал улучшенный Даром слух Джуда.

Юноша вышел из пятой позиции коа, перенося вес всего тела вперед и формируя перед собой треугольник из рук. Он закончил, и его взгляд сфокусировался на другом паладине внизу.

– Ты слишком хорошо меня знаешь.

Голубые глаза Пенроуз осветила улыбка.

– Кажется, твой Год раздумий не лишил тебя старых при-

вычек.

Она сказала это в шутку, но в груди Джуда встрепенулось чувство стыда, когда он подумал об истинном значении этих слов. Он спрыгнул со скалы, аккуратно приземлившись рядом с ней на краю пруда.

– Я только собирался возвращаться.

– Ты всегда приходишь сюда, когда нервничаешь, – сказала Пенроуз, когда они отправились в форт.

Джуд напрягся. Девушка действительно слишком хорошо знала его.

– Не волнуйся, Джуд, – заметила Пенроуз. – Все бы нервничали. Особенно после того, что произошло в Назире.

Он сглотнул.

– Угрозу, исходящую от Иерофана, теперь нельзя отрицать. До того, как я отбыл на свой Год раздумий, свидетели представляли собой просто отдельную группку радикалов. Или по крайней мере я так думал.

– Когда они жили в пустыне Сети, мы никак не могли узнать, сколько присоединилось к Иерофану, – согласилась Пенроуз.

Несколько лет назад свидетели со своим лидером в маске поселились в заброшенном храме посреди пустыни Сети – храме древнее самих пророков. Он оставался одним из сохранившихся свидетельств существования древней религии, когда люди почитали всемогущего бога созидания.

Орден последнего света приглядывал за действиями

Иерофана и слухами, кружившимися вокруг него. Согласно одним, Иерофан когда-то был служителем, который отверг пророков и начал проповедовать свою религию. Согласно другим, он уговорил целый отряд одаренных хератских солдат направить мечи друг против друга. Согласно его самым преданным ученикам, Иерофан был таким праведным и таким чистым, что одаренные просто лишались силы, находясь с ним в одной комнате.

Джуд и остальные члены Ордена сомневались в правдивости таких слухов, но они показали мощную природу последователей Иерофана. Тот был не просто человеком с опасными идеями – он превратил себя в идею, новую фигуру для поклонения, за которой можно следовать теперь, когда пророки исчезли.

– Никто из нас и не думал, что они захватят один из шести городов, – сказала Пенроуз. – Мы недооценили, как яростно его последователи верят в его ложь.

– Обманщик опутывает мир ложью, – процитировал Джуд.

– Нечестивые падут от бледной руки смерти, – продолжила Пенроуз. – Тела, которые находили на рынке с отпечатками Бледной Руки, доказывают это. Первые два предвестника есть. Грядет век тьмы.

– Так как может это быть подходящим моментом, чтобы я стал Хранителем? – Сначала он не собирался озвучивать этот вопрос – но тот сидел в его голове с тех пор, как только

он вернулся в Керамейкос. Но спросив, он захотел узнать ответ. – Два предвестника из трех проявили себя. Они не просто предупреждают о грядущем. Один из них – или все они – могут ознаменовать век тьмы. Нам нужно найти последнего пророка прежде, чем это случится, и это должен быть мой отец. Не я. Не сейчас.

– Или, возможно, вот почему твой отец хочет сделать это сейчас, – сказала Пенроуз. – У нас кончается время. Наши служители ищут знаки, но нам ничего не сообщали через сеть провидцев. Возможно, твой отец отчаялся и хочет найти новый подход.

Они пересекли холм. Под ними спиральные башни форта Керамейкос выступали из тумана в ловушке окружающих их гор. Водопады несли вниз с узкого порога свои воды, проносясь через стройные арки переходов и мостов крепости.

Джуд взглянул на свой дом, раздумывая над словами Пенроуз.

– Думаешь, отец хочет, чтобы я покинул Керамейкос? Постарался найти пророка?

Не считая Года раздумий, когда вероятный наследник Хранителя Слова уходил один в Галлианские горы, чтобы доказать свою веру и службу Семи пророкам, паладины не покидали форт Керамейкос уже сотню лет. Но в Ордене росло отчаянное желание найти последнего пророка. Возможно, Джуду и его стражам, когда он их выберет, нужно покинуть Керамейкос и найти пророка самостоятельно, и это

единственный способ.

– Вот из-за чего ты переживаешь? – спросила Пенроуз. – Что придется покинуть Керамейкос?

– Нет. – Он переживал, что, покинув Кераймекос в поисках последнего пророка, потерпит неудачу. Потому что, несмотря на слова Пенроуз о подходящем моменте, о том, что сомнения Джуда можно понять, он знал, что девушка не права. Его сомнения начались не тогда, когда он узнал, что Назиру захватили, и не тогда, когда услышал об убийствах Бледной Руки.

Они появились, когда ему было шестнадцать, и он понял, что есть вещи, которые Хранитель Слова никогда не сможет получить. Когда он впервые почувствовал, как эта боль давит на него в тихие, одинокие моменты. Когда Джуд закрывал глаза, отчаянно желая тепла другого человека, прикосновения кожи к коже. Хранитель не должен желать прикосновений, тепла и дыхания, но Джуд желал. И ничто, ни все его тренировки, ни Год раздумий, ни отчаянные молитвы давно ушедшим пророкам не могли этого изменить.

Они перешли мост, ведущий в форт. Над ними узкие деревянные планки пересекали берега реки, на которых балансировали паладины – силуэты в поднимающемся тумане водопада. Каждый паладин держал длинный посох, используемый для того, чтобы парировать, блокировать удары и нападать. Некоторые возвышались словно башни, а некоторые были едва видны из-за потока воды. Падение с укрепленных

балок означало бы смерть в воде, но Дар сердца делал паладинов проворными и уверенными, способными перепрыгнуть с одной уравновешенной балки на другую, когда они сталкивались в опасном танце.

– Так, значит, все дело в отборе завтрашней стражи? – спросила Пенроуз. В ее голосе внезапно появилась тревога. – Ты знаешь, кого выберешь, не так ли?

Это было первым важным заданием каждого Хранителя – выбор шести других паладинов, которые будут служить рядом с ним. Стража принесет особую клятву, которая привяжет их к Джуду до конца жизни. Быть избранным в стражу – служить как советник и товарищ Хранителю – высшая честь для паладина. А также большая ответственность. Нарушение клятвы стражи паладинов означало больше, чем изгнание, – оно означало смерть.

– Волнуешься, что я тебя не выберу? – поддразнил ее Джуд. Он всегда знал, что Пенроуз станет одной из шести. Она знала его с самого рождения, и хотя его воспитывали и обучали все эти годы разные управляющие и паладины, именно она оставалась ему ближе всего. Это она научила Джуда контролировать свой Дар, проводя его через коа, когда он был еще мал. В Ордене последнего света не было семей, но если бы были, Пенроуз стала бы частью его семьи.

– Я не это имела в виду, – сказала Пенроуз, ее голос был напряжен. – Я пришла сюда этим вечером не просто, чтобы узнать, как у тебя дела. Я пришла кое-что тебе рассказать.

Усиленный Даром слух Джуда мог определить ускорение ее сердцебиения. Тревога холодком пробежала по его спине.

– По поводу выбора стражи?

– Я просто хочу убедиться, что, когда придет время, ты сделаешь то, что будет лучше всего. Что не позволишь своим суждениям быть затуманенными...

Джуд не слышал, что она сказала дальше. Он услышал шум и почувствовал движение позади себя. Быстрее мысли он отскочил в сторону, чтобы избежать удара. Он увидел только вспышку движения атакующего, но этого хватило. Используя свои усиленные Даром рефлексы, Джуд отскочил от колонны моста и бросился на неизвестную фигуру. Зарываясь каблуками в землю, он выбросил руку, чтобы нанести удар в грудь мужчины.

Кряхтя, нападавший упал на землю.

– Ну, думаю, твои рефлексы в мое отсутствие не полностью исчезли.

Узнавание ударило Джуда, словно кинжал, когда он установился на человека у своих ног. Гектор Наварро больше не был худым мальчиком, с которым Джуд рос. Широкие плечи и грудь, стройная талия и длинные мускулистые ноги. Тень щетины покрывала заострившийся подбородок. Но на его лице была все та же раздражающая, самоуверенная ухмылка, которая когда-то провоцировала немало схваток среди молодых подопечных Ордена.

Ухмылка, которую Джуд не видел целый год. Которую он

и не ожидал уже увидеть.

– Ты здесь, – слабо произнес Джуд. Вот, понял он, о чем ему собиралась сказать Пенроуз.

Но прежде чем юноша успел подобрать слова или сделать что-то еще, кроме как налюбоваться другом, Гектор вскочил с земли и развернулся лицом к Джуду. А потом они снова бросились в бой – удар за ударом, одаренная скорость и сила встретились в скоординированном танце, шагам которого они научили друг друга годы назад.

Непрошенный смех вырвался из горла Джуда, когда он, наклонившись, увернулся от кулака Гектора и поставил ему подножку. Гектор подпрыгнул в нужный момент, почувствовав выпад Джуда даже раньше его самого. Их ловкий танец превратился в бурное веселье, а затем в театральные удары, а потом они обхватили друг друга руками, толкаясь и обнимаясь.

– Я не понимаю, – сказал Джуд, его голос звенел от адреналина, смеха и тяжести большой руки Гектора на затылке. – Когда я вернулся после своего Года раздумий, тебя не было. Все остальные сказали, что ты ушел, что ты решил не давать клятву.

Он не стал добавлять, что никто из них не был удивлен уходом Гектора. Тот являлся подопечным Ордена с тринадцати лет, и его дружба с Джудом казалась такой же неизбежной, как и невероятной. Даже маленьким мальчиком Джуд стремился соответствовать добродетелям, которым учил его

Орден, но Гектор был более беспокойным и склонным к неприятностям. Джуд ценил утра, проведенные в задумчивом молчании, долгие часы тренировок и аскетичную приверженность пророкам, а Гектор всегда казался неподходящим для регламентированной жизни паладинов.

Хотя он всегда говорил, что примет плащ Ордена последнего света, какая-то часть Джуда в это не верила.

Но теперь Гектор был здесь. Он вернулся.

– Я передумал, – сказал Гектор. Слово все могло быть вот так просто. На его губах появилась легкая, самокритичная улыбка – такая, которую он использовал бесчисленное количество раз, чтобы заставить Джуда согласиться на его задумки и выходки, несмотря на здравый смысл. – Я решил, что раз Джуд Везерборн верил в меня, то чего-то я стою.

Джуд снова толкнул его, и Гектор наклонил голову. Вскоре их снова захватила юношеская игра. Но было так хорошо снова встретиться с Гектором. Слово все тревоги из-за свидетелей, Бледной Руки, пророка можно было сорвать с плеч Джуда умелыми руками Гектора.

– Пенроуз, скажи Джуду, что ему нужно научиться драться, прежде чем он станет Хранителем Слова! – воскликнул Гектор между приступами смеха.

Джуд глянул на Пенроуз и увидел, что она больше не наблюдала за ними с отрепетированным видом неодобрения. Вместо этого она стояла, расправив плечи, смотря на что-то позади них.

Джуду не нужно было поворачиваться, чтобы понять, что прибыл его отец.

Он отпрыгнул от Гектора и остановился рядом с Пенроуз.

– Сын, – произнес капитан Везерборн.

– Капитан Везерборн, – ответил Джуд, все еще восстанавливая дыхание после схватки.

Вся радость из-за их воссоединения отступила под весом взгляда его отца. Терон Везерборн был таким же пугающим, как и в детстве Джуда. У него осталось то же каменное лицо, только волосы за последний год поседели. Как и на Пенроуз с Джудом, на нем был синий, как полночь, плащ, застегнутый на одном плече булавкой с семиконечной звездой, пронзенной клинком. Золотой торк, застегнутый на воротнике, обхватывал его шею.

– Вижу, тебе сообщили о возвращении Наварро. – Он кивнул в сторону Гектора.

– Сэр, – сказал Гектор, склонив голову и касаясь ладонью груди.

– Пойдем, Джуд, – сказал капитан Везерборн. – Нам нужно кое-что обсудить.

В груди юноши зародилось дурное предчувствие, когда капитан Везерборн пошел прочь. Его отец редко вот так выискивал его. Их отношения скорее строились на долге, чем на любви. Клятва паладина запрещала им иметь детей, только Хранитель Слова должен был исполнить Ритуал священного союза для получения наследника. Воспитанием Джуда

в основном занимались управляющие и паладины вроде Пенроуз.

Капитан Везерборн шел быстро, уводя Джуда по наклонной тропинке, обвивающей форт, через украшенные арки, изображающие мягкие изгибы деревьев, раскинувшихся над ними.

– Дело в Гекторе? – спросил Джуд. Он вспомнил предостережения Пенроуз. Было ясно, что Джуд отберет его в стражу паладинов – и она это не одобряла. Скорее всего отец думал так же.

– Нет, – ответил капитан Везерборн. – Но то, что ты считаешь, что блудный подопечный Ордена должен быть твоей основной заботой накануне церемонии, заставляет меня полагать, что нужно обсудить этот вопрос.

Джуд смущенно опустил глаза.

– Гектор никому не рассказал, почему покинул Орден, – продолжил капитан Везерборн. – А также почему вернулся. Или что он делал в свое отсутствие.

Джуд знал, что насчет Гектора существовало множество вопросов без ответа, но он не мог отрицать, что один его вид здесь, снова в форте Керамейкос, был словно вздохом облегчения.

– Я доверяю ему, – тихо сказал Джуд. – Что бы он ни делал, с чем бы ему ни нужно было разобраться, он вернулся. – *Он вернулся ко мне.*

Капитан Везерборн глянул на него, когда они пересекли

узкий мост мимо охваченного туманами водопада. Свет преломился между ними, когда Джуд встретился с отцом взглядом. Завтра он займет его место в качестве Хранителя Слова. Если он готов, то это означало, что его решениям, его суждению можно было доверять. Включая мнение о Гекторе.

Капитан Везерборн покачал головой.

– Мы все приносим одну и ту же клятву. Отказаться от мирских желаний. Служба пророкам превышает всего остального. Превыше наших собственных жизней. Превыше наших сердец.

– Я знаю, – ответил Джуд. – Если Гектор здесь, значит, он готов это сделать. Я это знаю. Он отнесется к этому серьезно.

– Я не про Гектора.

К лицу Джуда прилила кровь. Стыд сдал его, обнажая самые мягкие, слабые его части.

– Даже когда вы были мальчиками, ваша привязанность друг к другу была очевидной, – сказал капитан Везерборн. – Ты держался дальше от других подопечных, но не от него.

Во рту Джуда пересохло.

– Ты... ты никогда ничего не говорил. Ты никогда...

– Ты едва ли первый паладин или даже первый Хранитель Слова, испытывающий привязанность, – продолжил капитан Везерборн. – Вот для чего необходим Год раздумий, в конце концов. Чтобы подняться над своими сомнениями. У тебя это получилось?

Джуд не знал, что на это ответить.

– Скажи мне, – сказал капитан Везерборн. – Чье место он займет?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты уже знаешь, кого выберешь себе в стражу завтра, – сказал капитан Везерборн. – Я знаю тебя. Ты знал это еще с возвращения с гор. Скажи мне, какое из шести имен ты уберешь из списка ради Наварро?

Джуд на долгое время замолчал.

– Ни одно, – наконец произнес он.

– Тогда вот твой ответ.

Река гремела под ними, пока они шли по высокому выступу скалы, на которой стоял храм пророков. Вода стекала со всех сторон ротонды храма, обрушиваясь с утеса. Они поднялись по ступеням ко входу в храм. У главной арки они оба остановились, чтобы опустить пальцы в миски со священным елеем и помазать себя, прежде чем переступить порог.

В стенах храма было семь открытых арок, окружающих санктум, в котором доминировал огромный каменный пруд в форме семиконечной звезды. Вокруг пруда мраморные ступени вели к алтарю из бледного серебра. Стены храма тянулись высоко вверх, украшенные камнями сизого, грозового зеленого, насыщенного красного и полуночно-черного цветов, размером как с зрачок, так и с кулак Джуда. Они смотрели на него, словно тысячи драгоценных глаз. Камни оракула.

В каждой библиотеке мира хранились копии пророчеств,

но только Храм Пророков обладал самими камнями оракула. Каждый камень был опущен в омут провидцев одним из пророков, сохраняя таким образом их видения будущего. Иногда такие видения приходили в виде снов, иногда в виде пророческого транса. Камни оракула хранили записи о пророчествах, формирующих развитие цивилизации и направляющих людей через бурные и тяжелые времена.

Члены Ордена последнего света были доверенными охранниками этих пророчеств, даже сейчас, через сотню лет после исчезновения Семи пророков. Даже сейчас, когда все их пророчества исполнились.

Кроме одного.

– Завтра важный день, Джуд. Теперь больше, чем когда-либо, ты не можешь позволить себе отвлекаться, – сказал капитан Везерборн, поднимаясь по лестнице, ведущей к алтарю над омутом провидцев. Он поднял серебряную шкатулку с алтаря и вернулся, чтобы встать рядом с Джудом. Он протянул шкатулку, и Джуд, колеблясь, открыл ее.

Внутри мягко светился гладкий перламутровый камень. Он был больше кулака Джуда, украшенный изысканными спиральями. По нему пробежала большая трещина, почти разломив камень надвое.

Джуд в благоговении положил руку на камень. Это был последний камень-оракул, который создали пророки. Он сохранил их последнее предсказание. Пророчество, которое Орден последнего света хранил в тайне целый век. Пророче-

ство, все еще не сбывшееся.

– Предсказание сбывается, – сказал капитан Везерборн. – Предвестники уже здесь. Век тьмы почти наступил. Если мы вскоре не найдем последнего пророка... – Ему не нужно было заканчивать эту мысль.

Джуд поднял взгляд от камня-оракула на лицо отца.

– Ты Хранитель Слова, отец. Если пророчество сбывается, если Век тьмы грядет, им нужен ты. Когда мы найдем пророка, ему понадобится кто-то опытный, обладающий знаниями, кто-то...

– Хватит, – сказал капитан Везерборн. – Я был Хранителем Слова тридцать три года. Я защищал секрет последнего пророчества, так же как и Хранители до меня. Но не мне предназначалось обладать Остроконечным Клинком и защищать последнего пророка.

– Я не понимаю.

– Моя служба подошла к концу, – сказал капитан Везерборн, его глаза горели эмоциями, которых Джуд раньше не видел. – Я подарил роду Везерборнов наследника. Тебя, Джуд. Это тебе предначертано защищать последнего пророка. Я понял это в тот день, шестнадцать лет назад, когда небо осветилось.

Джуд поежился. Он тоже помнил тот день. Юноша не мог забыть холодное прикосновение ветра к щекам и каким крошечным он чувствовал себя в тени монолитов. А над ним небо, словно освещенное славным пламенем, ленты фиоле-

того, красного и золотого пронзали его, их блестящий танец взывал к земле под ними. Для тех, кто знал секрет последнего пророчества, это стало днем обещания и надежды. Обещания того, что последний пророк наконец прибыл, чтобы исполнить последнее предсказание и показать им, как остановить Век Тьмы.

В тот момент Джуд понял, с уверенностью, которая поражала его даже сейчас, что каким-то образом это яркое, невероятное, охватывающее нечто взывало к нему.

– Ты был всего лишь ребенком, – сказал его отец. – Но тогда я понял. Словно пророк ждал тебя. Когда он наконец прибыл, его *эша* воззвала к тебе. Тебе предназначено стать его Хранителем, оберегать его, чтобы он мог спасти всех нас.

Джуд чувствовал себя парализованным. Его отец верил в него. И Орден тоже. «Все знают, что тебя ждут великие дела», – бывало, говорил Гектор. Эти слова должны были заставить Джуда гордиться. Но у него складывалось впечатление, что он полз по великой башне всю свою жизнь, к маяку света, шаг за шагом, и когда оказывался близко, маяк мерцал, а он видел одну только черную бездну неизвестного.

– Вот что я пришел сказать тебе, сынок, – сказал отец. Его лицо сияло светом и надеждой. – После шестнадцати лет наши поиски окончены. Последний пророк был найден.

5

Хассан

ЕДВА УСПЕВ ВЕРНУТЬСЯ вовремя после своей первой вылазки на агору, Хассан не мог перестать думать о произошедшем – о свидетелях, о хератском слугителе, который, возможно, его узнал, и больше всего о легионере, стоящем над ним на ступенях храма, словно предсказанный герой из истории с блестящим изогнутым мечом в руке.

Он знал, что нужно вернуться, и когда он это сделает, ему понадобится больше времени, а не какой-то украденный час или два.

Такой шанс появился на следующий же день.

– Не надо хандрить, Хассан, но сегодня вечером я буду ужинать в гостях.

Хассан оторвал взгляд от «Истории шести пророческих городов» и увидел, что его тетя стоит в широко распахнутых дверях балкона. Летия Сискос была старшей сестрой отца Хассана, хотя они мало чем походили друг на друга. Летия была высокой худощавой женщиной, ее суровое, морщинистое лицо контрастировало с теплыми, мягкими чертами ее брата. Но их глаза были одинакового оттенка речного зеленого – и когда Летия смотрела на Хассана, ему казалось, что

отец присматривает за ним.

Летия вышла замуж за предыдущего Архона Базилевса Паллас Атоса задолго до рождения Хассана, но вместе с двумя сыновьями часто возвращалась для визита во дворец Херата, когда Хассан был ребенком. Юный принц всегда с радостью ждал этих визитов. Как и он, Летия и ее сыновья были лишены Дара, и их присутствие во дворце помогало ему чувствовать себя менее одиноким.

– Я не хандрю, – машинально ответил он, оставляя закладку и закрывая книгу.

– Тогда не дуйся.

– Куда ты собираешься? – спросил Хассан, мысленно подсчитывая, сколько у него будет времени до ее возвращения.

– Архон Базилевс и Базилинна пригласили меня на ужин в их поместье, – ответила Летия, облачиваясь на балюстраду балкона. – Очевидно, разгорелся скандал из-за убийства священника в одной из таверн Верхнего города. Говорят, что это связано с убийствами в других городах. Архон на взводе из-за этого всего.

– Он переживает из-за убийства, пока свидетели правят Назирой? – спросил Хассан, сразу позабыв свои планы побега на агору. – Он уже дал тебе ответ?

Летия нахмурилась.

– Еще нет. Он говорит, что сочувствует людям Назира, но сейчас его критикуют из-за допущения беженцев на агору.

Хассан вспомнил, как мясник огрызнулся на Азизи.

– Храм Палласа раньше приветствовал пилигримов на агоре со всего Пелагоса. Почему теперь это изменилось?

– Потому что пилигримов в Паллас Атосе не было уже сотню лет, – ответила Летия. – Священники больше не заинтересованы в чем-то помимо сохранения собственного богатства и власти. Единственное, что их волнует, – поддержание счастья населения на том уровне, на котором они не станут жаловаться на их жадность.

– Тогда Архон Базилевс должен наказать их, – ответил Хассан. Вот что бы он сделал, если бы это был Херат. Коррупция процветала во всех городах, повсюду, и единственным способом справиться с ней было убрать тех, кто злоупотреблял своей властью. – Ему стоит уволить худших нарушителей. Пока он этим занимается, на конфискованные деньги нарушителей можно кормить беженцев.

– Слова принца, – сказал Летия. – Но Паллас Атос не Херат. Архон Базилевс не обладает такой властью, чтобы лишить священников их постов. Они изначально были избраны самим Палласом.

– Но Палласа здесь больше нет. Никого из пророков нет.

– И священники утверждают, что те, кого выбрал Паллас, имеют власть назначать наследников после исчезновения пророков.

– Идеальный рецепт коррупции, – горько заметил Хассан. Те, что злоупотребляли своей властью, будут продолжать цикл, награждая тех, кто дает им такую власть.

– Я постоянно говорила своему мужу разобраться с этими заявлениями до его смерти. Установить новую систему, пока он все еще был Архоном, – сказала Летия. – Он никогда не слушал – как и каждый раз, когда я пыталась давать советы. Коррупция священников пропитала этот город. Они сделают все что угодно, чтобы сохранить власть, какой бы пустой она ни была.

Желудок Хассана свело. Юноша знал, что священники коррумпированы и служат себе и что Архон Базилевс, правивший ими, был не имеющей значения фигурой. Он был глупцом, полагая, что они помогут ему.

– Разве священники не понимают, что свидетели угрожают им? – спросил Хассан, чувствуя, как в нем вскипает ярость. – Если свидетели обоснуются в Назире, за ней последуют и другие города. Они уже начали смелеть на этих самых улицах.

– И откуда ты это узнал, принц Хассан?

– Я... – Он замолчал, понимая, что если хочет сохранить свой визит на агору в тайне, то нужно быть аккуратным. – Я слышу разговоры слуг. Они переживают из-за того, что происходит в Паллас Атосе. Свидетели сожгли святилище в Нижнем городе пару недель назад. Даже вчера их видели у храма Палласа.

Летия внимательно посмотрела на него и вздохнула:

– Я понимаю, почему ты так переживаешь из-за этого. И я с тобой согласна. Конечно, согласна. Назира и мой город,

даже если я не жила там три десятилетия. Я знаю, как ты переживаешь за своих родителей. Я тоже переживаю за брата и за королеву.

Хассан кипел от ярости, но она была больше направлена на него самого, чем на Архона.

– Я должен сделать что-то еще. Что-то, чтобы убедить их всех помочь моим людям. Я просто чувствую себя... бесполезным. – Он провел пальцами по нагрудному карману, где у его сердца лежал компас. Его отец был тем самым человеком, который никогда, даже на мгновение, не сомневался, что Хассан способен однажды взойти на престол. Думая о вере отца в него, он почувствовал, как в горле поднимается горечь. – Отцу не стоило называть меня наследником.

Голос Летии стал мягким, и она подошла ближе.

– То, что сделали свидетели, – не твоя вина.

– Но я не смог их остановить, – сказал он.

– А если бы у тебя был Дар, смог бы?

Он не ответил. Конечно же, она была права. Одаренные были могущественными, но не непобедимыми. Дар не помешал его отцу и матери оказаться в плену. Их Дары дали им силу, но также они стали причиной, по которой свидетели хотели от них избавиться. Если слухи о том, что Иерофан способен блокировать силы одаренных, правда, то они никак не могли защитить себя. Желудок Хассана свело от страха от этой мысли.

Летия отвернулась от него.

– Ты должен радоваться, принц Хассан, что твой отец не отказался от тебя при рождении.

Слова повисли между ними. Будучи старшей дочерью королевы Херата, Летия должна была стать следующей претенденткой на трон, когда умерла ее мать. Но, как и Хассан, Летия родилась без Дара. Вместо того чтобы сделать ее королевой, Летию выдали замуж за престарелого Архона Базилевса Паллас Атоса. Мужчину, которому, как понял Хассан, не было особого дела до жены или ее значительных политических способностей. Когда он умер, титул не передали и сыновьям Летии, так как они тоже были лишены Дара.

– Однажды я спросила свою мать, хотела ли она когда-либо назначить меня наследницей, – сказала Летия. – А она лишь сказала, что самым счастливым днем ее жизни стал день, когда проявился Дар твоего отца.

Хассан сглотнул, не зная, что сказать. Летию лишили права стать королевой Херата, потому что она не была одаренной. Теперь, несмотря на то что он сам лишен Дара, Хассан стал наследником.

– Полагаю, мне не стоит быть с ней слишком суровой, – продолжила Летия. – Моя мать выросла в бурные десятилетия после исчезновения пророков, когда люди боялись любого отступления от традиций. Но теперь все наконец начинает меняться. Ты – доказательство этому.

Хассан покачал головой.

– Я не заслуживаю этого права по рождению, если не могу

ничего сделать, чтобы помочь моему народу.

– Хотела бы и я быть в силах сделать еще что-то, – сказала Летия. – Я снова поговорю с Архоном сегодня вечером, но я бы не стала питать больших надежд.

Хассан закрыл глаза.

– Спасибо за попытку.

Она положила ладонь на его плечо, а потом повернулась и спустилась по ступенькам в центральный дворик.

Хассан ушел внутрь, а его мысли вернулись к агоре и условиям, в которых находился лагерь беженцев. Возможно, юноша пока не мог ничего сделать для своего народа там, дома, но тем, кто находился здесь, должен был помочь.

– Я проведу вечер в библиотеке, – сообщил Хассан слугам в своей гостиной. – Не нужно меня беспокоить. Можете оставить мой ужин здесь.

К счастью, слуги уже привыкли к нему и знали, что для него вполне нормально запирается в библиотеке на долгие часы. Так он проводил большую часть своего времени и в Назире – закапываясь в «Истории шести пророческих городов», узнавая все, что можно, о ресурсах своей страны, о войне и дипломатии, – пока не прочитал больше своих учителей из Великой Библиотеки.

Но теперь Хассан устал от попыток вооружиться историями и фактами. Ему хотелось действовать. Так что он взял том из библиотеки, чтобы насладиться им в пятнистом солнечном свете сада. Убедившись, что слуги оставили его од-

ного, он перепрыгнул низкую стену сада и покинул территорию виллы.

Он становился экспертом в тайных побегах.

Беженцы в основном игнорировали Хассана, пока он шел на агору, и занимались своими делами с мрачной решимостью. Он прошел очередь людей, ожидающих воды из фонтанного павильона, обращая внимание на детей не старше шести-семи лет, которые тащили кувшины обратно в лагерь. Многие из них были босыми. Облака пыли и грязи наполняли воздух, группа женщин выбивала ткань палаток палками. Другая женщина с метлой безуспешно пыталась вымести грязь из собственного убежища, а к ее спине был привязан младенец.

Шум пронзил треск ударов дерева о дерево. Взгляд Хассана привлекла открытая арена, окруженная разрушающимися колоннами, где стояла группа людей и наблюдала за тремя парами тренирующихся бойцов.

Взгляд Хассана сосредоточился на последней паре – одним из бойцов была та самая девушка-легионер, которая спасла его от свидетелей в храме. Вместо изогнутого хератского клинка она орудовала деревянным тренировочным мечом, кажется, вырезанным из ветви оливы.

– Защищай свой левый бок, Фаран! – выкрикнул зритель

ее оппоненту, когда девушка нанесла хорошо просчитанный удар.

Противник закричал, но прислушался к совету. Девушка снова сделала ложный выпад влево, а потом ударила его справа. Еще пара таких атак, и она обезоружила мужчину и уложила на спину в грязь.

– Вот так, – сказала девушка, помогая своему противнику подняться на ноги, прежде чем бросить ему тренировочный меч. – В следующий раз не теряй оружие.

Ее взгляд переместился с противника на Хассана, стоящего за ним.

– Ты вернулся, – сказала она, склонив голову. – Как рука?

– Все хорошо. – Ее взгляд заставил юношу почувствовать себя мухой, пойманной в ловушку теплого меда. Она не была такой красивой, как изящные дочери при дворе, или привлекательной, как обольстительные хератские танцовщицы паводка. Она была неотразимой. Волевой подбородок, подтянутое тело. Она излучала силу – не только физическую, но и силу духа, знание о себе, которое пугало Хассана.

– Как там тебя зовут? – спросила она. Несколько темных локонов выбились из пучка волос и упали на ее щеку.

– Э... Кирион. – Хассан не был готов придумать себе имя и потому выбрал первое, которое пришло в голову – имя своего кузена, старшего сына Летию.

– Ты ищешь новых проблем, Кирион? – спросила она. – Что, разве они недостаточно нагружают тебя уроками?

Хассан почти забыл, что сказал ей, что он студент в Академосе.

– Наверное, нет.

– Или, может, ты ищешь урока здесь? – продолжила она, и в ее голосе появилась усмешка.

– Урок?

– Именно, – сказала она. – Я тренирую других беженцев. Караульные больше, чем бесполезны, когда речь идет о безопасности лагеря, так что мы решили взять дело в свои руки.

– О, – быстро ответил Хассан. – Ну, думаю, мне не стоит...

– Давай, – сказала она, пихнув его в плечо. – Если собираешься прерывать нас, то мог бы и сам чему-то научиться. Тогда, может, в следующий раз, мне не придется вступаться и спасать твою задницу.

С губ Хассана сорвался довольный смешок. Никто во дворце с ним так не разговаривал.

– Ох, не знаю.

– Какой от этого вред? – колко заметила она. – Я не буду усердствовать.

Он не мог устоять перед блеском уверенности в ее глазах.

– Ну ладно. Если только ты не будешь усердствовать.

Она отошла от Хассана, награждая его ухмылкой через плечо.

– Кстати, я – Кхепри.

Он пошел за ней, и вместе они пробрались между двумя парами тренирующихся беженцев к стойке с деревянными

мечами. Девушка выбрала один и бросила другой Хассану.

Он поймал его одной рукой, и, подняв взгляд, увидел, как удивление вспыхнуло на ее лице.

Они встали между двумя другими парами бойцов на арене. Выражение лица Кхепри выдавало уверенную решимость, когда она сделала шаг назад и приняла защитную стойку, приглашая Хассана сделать первый шаг.

Юноша почувствовал, как на лице появляется улыбка, когда встал в атаковую позицию. В последний раз он фехтовал очень давно, но использовать свое тело вот так – приятное чувство. Хотя у Хассана не было Дара сердца, ему всегда нравились стратегия и управление телом, объединяющиеся ради общего дела. Мать научила его хорошо обращаться с мечом, не используя Дар сердца.

Большую часть дней он делал все, что мог, лишь бы не думать, где сейчас может находиться его мать или что происходит с ней, пленницей Иерофана. Но если уроки фехтования и научили его чему-то, то это тому, что его мать была бойцом. Где бы она ни находилась, она сражалась.

– Я не стану использовать коа, – сказала Кхепри.

– Кажется, это честно. – Не используя коа, она лишится значительного преимущества одаренной силы, скорости и усиленных чувств.

Девушка рассмеялась.

– О, это не будет честно. Но может, немного интереснее.

Хассан пришел в движение первым, совершив удар, но не

открывая себя для атаки. Это была уловка – ему хотелось увидеть, как Кхепри отреагирует.

Девушка парировала удар и, опустив клинок под его меч, контратаковала. Хассан блокировал удар – и почувствовал еще одну искру удивления Кхепри.

– Ты лжец! – воскликнула она, в ее голосе звучало удовольствие. – Ты не неженка-ученый. Ты раньше сражался.

– Не все ученые неженки, – ответил Хассан, вытирая каплю пота со лба.

Кхепри снова атаковала, быстрее, чем раньше. Сила удара заставила Хассана отступить и запутаться в ногах.

Девушка не колебалась. Она снова атаковала, воспользовавшись преимуществом. Хассан увернулся от нее, и деревянный меч просвистел рядом с ним. Они разделились, перегруппировались. Кхепри словно не волновал провал ее атаки. В действительности она казалась довольной, и Хассану показалось, что она только разогревается.

Юноша бросился вперед и снова нанес удар, но клинок Кхепри встретил его, а она даже не оторвала от него своего взгляда. Хассан начал чувствовать зуд соревновательного духа, пульсирующий в венах. Ему хотелось впечатлить ее, показать, что он выдержит темп. Они обменивались ударами, атаковали и отвечали на удары, их клинки поворачивались и сталкивались, пока они перемещались по полю. Возбуждение пело в крови Хассана. Но даже когда он встречал ее удары ударами, то понимал, что девушка поддается ему.

Играет с ним.

Но она его недооценивала.

Следующим же ударом, Хассан заставил ее отступить и притворился, что споткнулся. Когда девушка двинулась, чтобы воспользоваться его очевидной ошибкой, юноша ступил ближе и ударил снизу, чтобы помешать ей.

Она споткнулась, схватившись за свой меч, чтобы не распластаться на земле.

Хассан взглянул на девушку сверху вниз, наставив на нее меч, а на его лице появилась победная улыбка. Она замахнулась, и он блокировал ее меч своим.

– Ладно, – сказала Кхепри. Мечи оказались скрещенными между ними. – Ты неплох.

А потом, когда он заметил ухмылку на ее лице, Кхепри ударила ногой, выбив меч из его руки, и повалила его на землю.

Хассан со стоном рухнул в пыль, оказавшись придавленным к земле, потому что коленями она прижимала его бедра к полу.

Девушка триумфально улыбалась ему.

– Но я все еще лучше.

Хассану хотелось ответить что-нибудь остроумное, но Кхепри тяжело дышала, и результат ее усталости... отвлекал. Щеки юноши начали краснеть, но прежде, чем он успел по-настоящему опозорить себя, она слезла с него. Он не мог точно сказать, испытывает облегчение или разочарование.

Кхепри взяла его за руку и подняла на ноги слишком легко. Одаренная сила.

– Ты же сказала, что не будешь пользоваться Даром, – заметил Хассан.

– Битва окончена.

– Тогда нужен реванш.

Ему начинал нравиться ее смех.

– Думаешь, что у тебя получится лучше во втором раунде?

– Ты же не станешь лишать человека надежды, а?

– Надежды никогда нельзя лишать, – сказала Кхепри, и в ее голосе послышалось что-то неожиданно мягкое, драгоценное, словно медленно распускающаяся речная лилия. – Как насчет ужина вместо этого?

Такого Хассан не ожидал. Он подумал о том, как сильно хотел провести здесь больше времени – с беженцами, конечно же, но и с Кхепри тоже.

– Я бы не отказался.

Девушка улыбнулась, и Хассан понял, что они все еще держатся за руки. Она словно тоже это заметила, но не отпустила, а перевернула его руку и легонько пробежала пальцами по его ладони. Его кожу покалывало, и он почувствовал, что начал краснеть.

– Все равно руки достаточно нежные, – пробормотала она, и ее губы изогнулись в улыбке снова. – Теперь придется поработать мозоли, если хочешь побить меня в следующий раз.

Она отпустила его руку и начала собирать тренировочные

мечи, а Хассан просто смотрел на нее. Он одернул себя, и когда солнце опустилось в море, они покинули тренировочную площадку.

Запах дыма наполнил воздух, когда они добрались до другой стороны агоры, где лагерные костры только начинали загораться. Подойдя к лагерному костру, который Кхепри делила с другими, Хассан заметил знакомые лица: Азизи, его мать и маленькая сестра. Они, как и женщина постарше, с которой Хассан разговаривал вчера, радостно приветствовали его и усадили очищать от кожуры и семян тыкву.

– Ты везунчик, – сказала мать Азизи, которая назвалась Халимой. – Это всего лишь второй раз с самого нашего приезда, когда мы едим свежие овощи.

Хассан нахмурился, вспоминая о многочисленных богатых блюдах, которыми наслаждался на вилле тети, даже не задумываясь об этом.

– Откуда берется еда?

– Служители храма пожертвовали большую часть, – сказала женщина. – Достаточно, чтобы поддерживать в нас жизнь, на данный момент. Некоторые отправились в близлежащие холмы, чтобы охотиться на птиц и мелких животных. Сейчас лето, но я боюсь того, что принесет зима.

– До этого еще месяцы, – сказал удивленный Хассан. Он задумался, сколько других беженцев считали, что до возвращения домой еще месяцы.

Ужин оказался общественным делом – у каждого лагер-

ного костра сидело пять и больше семей, они собрали вместе добытое и готовили еду, пока за детьми, слишком маленькими, чтобы помогать, присматривал один из взрослых. Сегодня вечером был черед Кхепри. Хассан часто отрывал взгляд от тыквы и смотрел, как дети лазают по ней – забираются девушке на спину и прыгают на колени. Кхепри выдерживала все это с вызывающим восхищением терпением.

Когда небо потемнело, все собрались вокруг костра трапезничать. Хотя Хассан съел всего два маленьких кусочка, оставляя большую часть еды другим, он не мог вспомнить, когда еще так, от всего сердца, наслаждался едой – жареная тыква и чечевица, приправленная молотым перцем, со свежим хлебом, орехами и фигами. Эта еда была намного проще блюд, к которым Хассан привык в королевском дворце, но ее запах и вкус напоминали дом, и у него ныло сердце.

Получив эту крошечную частичку Херата, он захотел получить все – ему захотелось почувствовать аромат голубых речных лилий и свежего хлеба, ощутить густую воду реки между пальцами, пригубить сладкого гранатового вина, услышать звон колоколов и барабанов выпускающихся ученых, идущих парадом по дороге Озмандит.

Во время еды Хассан узнал больше о жизни семей после их побега из Назиры. Агора уже была забита, и две или три семьи делили убежище, построенное для одной. Фонтанный павильон возле Священных ворот был единственным источником воды для всех лагерей, а это означало, что день тра-

тился на длинные очереди, а воды никогда не хватало на то, чтобы помыться или приготовить еду, что в итоге приводило к появлению вшей. Большая часть беженцев пришла в Паллас Атос в одной одежде, так что нечто даже такое простое, как мыло или миски, было сложно раздобыть.

Но, несмотря на эти сложности и несмотря на то, как мало сделали священники Паллас Атоса, чтобы встретить беженцев в городе, в сердцах людей оставались надежда и желание бороться. Отчаяние нависло над ними, словно шторм, но любовь и забота безошибочно угадывались в том, как они обращались друг с другом.

Закончив с трапезой, Хассан и Кхепри сели у яркого света костра. Азизи и другие хератские дети кричали и бегали вокруг пламени.

– Я знаю эту игру! – воскликнул Хассан, радуясь, что, несмотря на все, через что прошли эти дети, они все еще могли играть, дразнить друг друга и смеяться.

Возле него Кхепри резко рассмеялась.

– Все хератские дети играют в нее.

– Я не играл, – сказал Хассан. – Но я, бывало, наблюдал из окна кабинета, как другие дети играли в нее вокруг фонтанов двора.

– Окна кабинета? – удивленно спросила она. – Тебя запирали в башне в детстве?

Хассан немного беспокойно рассмеялся.

– Вроде того.

– Ладно, – сказала Кхепри, резко поднимаясь на ноги.

Хассан заморгал, когда она протянула ему руку.

– Вставай, – сказала она. – Мы пойдем играть.

Он рассмеялся, и Кхепри подняла его на ноги. Поднеся руку ко рту, она закричала:

– Ибис и цапля, берегитесь меня!

– Крокодил, крокодил, оставь нас в покое! – в ответ кричали дети.

Кхепри ухмыльнулась Хассану, и оба побежали к визжащим от смеха детям, кружащим вокруг лагерного костра. Кхепри схватила одну из маленьких девочек и подняла в небо. Девочка закричала от восторга. Когда Кхепри поставила ее на землю, девочка завопила:

– Ибис и цапля, берегитесь меня!

Хассан позволил этой детской игре, радости от бега и возбуждению, когда тебя ловят, увлечь себя. Каким-то образом десять минут спустя все дети гонялись за ним. Они обступили его, повалили на землю и залезли сверху.

– Сдаюсь! Сдаюсь! – кричал Хассан, и слезы смеха текли из его глаз, а Азизи пробежал триумфальный круг вокруг него.

– Дайте ему встать, крокодилы, – сказала Кхепри, пробираясь к центру, чтобы вытащить оттуда Хассана. Она не смогла скрыть смех в голосе, когда спросила: – Ты в порядке?

– Все нормально.

– Вот, у тебя... – Кхепри протянула руку к волосам Хас-

сана, доставая из них веточку. – Вот.

Он почувствовал, что снова краснеет.

– Ты не предупредила меня, что эта игра выматывает больше, чем тренировки легионеров.

Кхепри рассмеялась, беря его под руку и направляя прочь от детей. Хор «о-о-о» последовал за ними, когда они направились к покрытому травой выступу.

– Вы будете целоваться? – спросила одна девочка.

– Фуу, – крикнул Азизи.

Хассан беспомощно рассмеялся, а детские возгласы потихоньку затихли, когда они с Кхепри начали взбираться вверх по выступу. Он нависал над агорой с одной стороны и целым городом Паллас Атоса с другой.

– Эти дети хуже моих братьев, клянусь, – проворчала Кхепри, падая на траву.

– Твои братья дразнят тебя? – спросил Хассан, усаживаясь рядом с ней.

– Безустанно. – Она выдохнула, а потом Хассан увидел это – небольшое изменение в выражении ее лица, и он понял, что ее мысли вернулись к Назире.

В порыве чувств он потянулся к ее руке.

– Они все еще в Назире, не так ли?

Ее глаза заволокло горем.

– Вся моя семья там.

Ему хотелось узнать все, что скрывалось за этим взглядом.

– Как ты выбралась?

Она опустила взгляд на его руку, но не отодвинулась.

– Мои братья были легионерами, как и я. Мы нашли торговое судно из Эндарриона, которое согласилось тайно вывезти нас. Но той ночью, когда мы должны были уехать, в гавани оказались свидетели. Они обыскали корабль, когда мы прятались внутри. Мы знали, что они найдут нас, так что мои братья сдались. Им удалось помешать свидетелям найти меня. Они пожертвовали собой, чтобы я могла оставаться свободной. – Девушка взглянула на Хассана все с тем же яростным блеском в глазах, который он заметил при первой встрече. – Каждый день я просыпаюсь с этой правдой.

Хассан подумал о собственной семье, матери и отце, все еще пленниках во власти людей, которые считают их существование ошибкой природы. Он нес бремя пребывания в безопасности, пока его любимые – нет. Он ощущал, как страх и злость захлестывали его все время. Как даже во сне разум никогда не уставал мучить его всеми ужасными вещами, которые могут происходить.

Ему хотелось найти способ рассказать ей обо всем этом, не говоря, кто он. Горе было у них общим, и, скрывая его, Хассан чувствовал, как его наполняет чувство вины.

– Мне жаль, – сказал юноша, хотя ему не нравилось то, какими неподходящими прозвучали эти слова. Он взглянул через плечо на лагерь и детей, все еще занятых игрой, избегающих слабых попыток родителей уложить их спать.

– Вот почему я здесь, – через долгое мгновение сказала Кхепри. – В Чарисе тоже принимают беженцев, но я приехала сюда. Туда, где находится принц Хассан.

На мгновение Хассан лишился дара речи.

– Откуда... откуда ты про это знаешь?

– Его тетя была женой почившего Архона Базилевса, – ответила Кхепри. – И если принц Хассан действительно выжил после переворота, как все говорят, он бы приехал сюда, где у него есть семья и союзники. Я это знаю.

Сердце Хассана так отчаянно колотилось, что он был уверен, что Кхепри слышит его. Но кажется, она не заметила. Ее глаза сверкали, пока девушка смотрела на город под ними, переводя взгляд от цитадели караульных и Академоса на море покрытых черепицей крыш на склоне и купол крыши железной дороги в Нижнем городе.

– Мне кажется, находиться здесь – правильно, – сказала она. – В конце концов, это Город веры. Вот что привело меня сюда. Вера. Когда Иерофан и свидетели захватили Назиру, мне хотелось разорвать их на части, и было все равно, чем придется ради этого пожертвовать. Я позволила ненависти взять верх.

Хассан знал, что девушка имеет в виду. Он почувствовал этот жаркий зов ненависти у храма, повстречав свидетелей. И все же в самой темной части своего сердца он чувствовал это, когда думал об Иерофане и его последователях.

– Но когда я услышала, что принц Хассан выжил после

переворота, моя ярость внезапно обрела новую цель. Я не могу этого объяснить, но... я знала, что мне нужно приехать сюда. Я прибыла в Город веры, чтобы найти принца и помочь ему вернуть нашу страну.

– Думаешь, он на это способен? – спросил Хассан. Юноша почувствовал себя беспомощным скарабеем, пригвожденным ее взглядом. Юный принц был полон желания рассказать ей, кто он. Если кто-то и мог понять, что он чувствует, как мечтает о доме, который у него отобрали с такой жестокостью, то это была Кхепри. Эта храбрая девушка, которая приехала искать его с берегов его родины.

Она кивнула.

– Я знаю. Капитан моего полка в хератских легионах однажды встречался с ним. Он сказал, что принц подобрал в себя лучшее от родителей. Силу и храбрость королевы, мудрость и сочувствие короля.

Хассан на мгновение закрыл глаза. Принц, которого она описала, казался совсем другим человеком. Что бы она подумала, если бы обнаружила, что принц, который, как она верила, мог спасти ее народ, прятался на вилле тети, без плана или надежды освободить свою страну?

– Что, если он не здесь? – спросил Хассан и сглотнул. – Что, если ты проделала весь этот путь впустую?

Взгляд, которым она его наградила, был быстрым, но ярким, словно вспышка светлячка над берегами реки Херат.

– Это было бы не впустую.

Хассан почувствовал ее мозолистую ладонь на своей руке, когда девушка наклонилась к нему. Он резко вздохнул, закрыв глаза.

– Кирион, – нежно произнесла она.

Хассан крепко зажмурился и, ненавидя себя, отстранился от нее. Как бы ему ни хотелось насладиться этим моментом, он знал, что не может. Не сейчас, когда между ними ложь. Но он не мог рассказать ей правду. Не сейчас. Человек, которого Кхепри пришла искать, мудрый, храбрый принц Херата, что мог бы повести людей к свободе, – это не Хассан. Он был лишь еще одним потерянным беженцем, испуганным и отчаянно надеющимся, что кто-то сможет указать ему путь.

6

АНТОН

АНТОН ПРОСНУЛСЯ, потому что тонул. Его грудь разрывалась, перед глазами стояли звезды, в голове раздавался зов...

Он распахнул глаза.

Юноша глубоко вдохнул. Не воду, а воздух. Затхлый воздух своей крошечной съемной квартирki. Он наполнял его легкие, пока Антон лежал на перекрученных и влажных от пота простынях. Юноша поднял трясущиеся пальцы к горлу и прижал их, отсчитывая каждый удар пульса кончиками пальцев.

Прошли годы с последнего сна об озере. На протяжении многих месяцев после побега из дома плохой сон был его еженощным посетителем. Серое небо, снег, темная фигура за спиной, а ноги несут Антона по замерзшему озеру. Лед трещит под ним, жестокие руки давят на него, а он борется в ледяной воде.

Теперь, приподнявшись на своей узкой кровати, Антон почувствовал себя маленьким и беспомощным, как и в той холодной, колючей воде. Он не мог успокоиться, потеряв всякий ориентир, чувствуя, словно в любой момент мир мо-

жет выскользнуть из-под него, вновь отбросив в темные глубины.

Теплый ветерок врывается через крошечное окошко, приподнимая края занавески. Косые лучи лунного света падали в комнату, отбрасывая рваные тени на стену.

А потом Антон понял две вещи. Он не оставлял окно открытым перед сном.

И в его комнате был кто-то еще.

Сначала он почувствовал чужую *эшу*, словно приглушенный шелест крыльев мотылька. *Эша* была незнакома – не вызвала беспокойства, она не принадлежала человеку, который его искал. Он сделал резкий вздох, а его взгляд опустился на тень незнакомца в бледном лунном свете.

– Я не причиню тебе вреда.

Это был женский голос – низкий и резковатый. Антон некоторое время вглядывался в темноту и заметил, что шелковая маска закрывала нижнюю часть лица девушки, оставляя видимыми лишь два ярких глаза, которые смотрели на него с другой стороны комнаты.

Антон просчитал варианты. Она стояла возле окна, ближе к изножью кровати, напротив двери. У него было мало шансов добраться до выхода раньше ее.

Ему придется поверить ей на слово.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

Она склонила голову.

– Ты не знаешь, кто я?

– А должен?

– Священник в садах Талассы тоже не знал.

Антон резко вдохнул воздух. Из всех ужасов, которые он представлял, у себя в гостях посреди ночи Бледную Руку заставить не планировал.

Он заставил себя говорить.

– Ты пришла убить меня?

В ее глазах вспыхнуло что-то вроде изумления.

– А ты это заслужил?

Антон медленно покачал головой.

– Тогда тебе нечего бояться.

Он подумывал вернуться ко сну, к предупреждению о том, кто его ищет, и задумался, правдивы ли слова Бледной Руки.

– Если ты пришла не убить меня, то что ты тогда делаешь в моей комнате?

– Я ищу миссис Таппан, – ответила она. – И думаю, что ты, возможно, сможешь помочь мне.

Антон удивленно заморгал. Было несложно поверить, что миссис Таппан каким-то образом связана с печально известной убийцей, но обычно это она кого-то искала.

– Я не знаю, кто это, – солгал юноша, спуская ноги с кровати на пол.

– Письмо, которое она оставила тебе в садах Талассы, говорит о другом, – в тусклом освещении комнаты Антон увидел, как девушка протянула конверт. Он мог догадаться, что на нем стояла печать в виде компаса-розы Провидческого

Агентства миссис Таппан. Должно быть, она оставила его для него, когда он сбежал.

– Откуда это у тебя?

Бледная Рука подошла к кровати, все еще протягивая письмо.

– Это ты, правильно? Антон?

Он потянулся к письму, но она забрала его.

– Скажи мне, где она, и получишь свое письмо.

– Я не знаю, где она.

– Но ты разговаривал с ней прошлой ночью.

Это произошло всего лишь прошлой ночью? Предыдущий день пролетел в облаке кошмара и воспоминаний, так крепко связанных в разуме Антона, что он едва мог разделить их.

– Откуда ты это знаешь?

Он не видел ее губ под маской, но ему показалось, что она улыбается.

– Я встретила с парочкой твоих друзей в Талассе. Они сказали, что одна женщина ужинала там прошлой ночью, и с ней у тебя был очень интересный с виду разговор. Вскоре после которого ты исчез.

Он проклял Козиму за ее ненасытное любопытство и неумение держать рот на замке.

– Итак, – продолжила Бледная Рука, – о чем вы говорили?

Антон приподнял одно плечо.

– Ей просто нравится следить за мной. Проверять, как у

меня дела.

– Из тебя никудышный лжец.

– Я не лжец.

– Тогда кто? – спросила она. – Миссис Таппан не выполняет нудную работу сама. Она даже не показывает свое лицо большинству людей. Так почему тебе показала?

Вместо ответа он сказал:

– Это не настоящее ее имя, знаешь ли.

У имени была особая связь с *эшой* человека, которому оно принадлежало. Так провидцы находили свои цели. У Антона это чувство было острее. Он не мог точно назвать имя человека по его *эше*, но он мог понять, когда имя ей не соответствовало. Имя миссис Таппан никогда не соответствовало ее четкой, похожей на колокольчик *эше*.

– Тогда какое настоящее?

– Не знаю, – ответил Антон. – Но не это.

– Откуда ты знаешь? – все ее поведение изменилось, глаза расширились. – Это ты, не так ли? Провидец, о котором она нам рассказывала. Ты – он. Она сказала, что ты сможешь мне помочь. Что ни один провидец не может сделать то, что можешь ты.

И внезапно все начало обретать смысл. Работа, которую Безымянная дама пыталась предложить ему прошлой ночью, – она исходила от Бледной Руки.

– Ну, она солгала, – бесстрастно сказал Антон. – Я никто. Я не могу помочь тебе, так что убирайся отсюда прежде, чем

я расскажу караульным, где они смогут тебя найти.

Девушка не сдвинулась с места.

– Я серьезно, – сказал он, проходя мимо нее к двери. – У тебя две минуты на то, чтобы убраться.

Хоть Антон и почувствовал проблеск любопытства, он не поддастся ему. Кошмары уже вернулись, и использование Дара сделает их совершенно невыносимыми, юноша был уверен. Эта не та дорога, по которой он был готов идти, какие бы обещания или угрозы ни перечислила Бледная Рука.

Но то, что она сказала дальше, не было ни угрозой, ни обещанием. Это был вопрос.

– Кто такой Илья Алиев?

Потрясение окатило его, словно ледяная вода. Он не слышал, как это имя произносили вслух, уже пять лет.

– Где ты услышала это имя?

Бледная Рука протянула конверт. В этот раз, когда Антон потянулся к нему, девушка не стала препятствовать.

Печать была уже взломана, предсказуемо. Антон раскрыл письмо внутри конверта, его глаза зацепились за первую же строчку.

Илья Алиев. Последнее известное действие: зафрахтованный пассажирский корабль. Направление: Паллас Атос.

Под этими словами была целая дюжина параграфов, ко-

торые Антон быстро просмотрел. Целое досье на человека, ищущего его, проверенное, записанное, доставленное. Человек, о котором предупреждала его в садах Таласса Безымянная дама. Человек, который преследовал Антона в снах.

Он должен был быть благодарен, что Безымянная дама так потрудилась, чтобы достать ему эту информацию. Благодарен, что она вообще пришла к нему вместо того, чтобы сдать Антона и забрать свои деньги. Но он не мог найти в себе благодарность. Не в тот момент, когда холодный страх сковал его легкие.

Он просто обратится к другому.

Это означает, что уже обратился. Он был здесь, в Паллас Атосе. Он скорее всего точно знал, где Антон. Он мог быть уже в пути.

– Если ты такой могущественный провидец, как она говорит, – сказала Бледная Рука, – зачем тебе помощь охотника за головами, чтобы отыскать его?

– Она мне и не нужна, – ответил Антон, убирая письмо обратно в конверт и пересекая комнату в три быстрых шага. – И я совсем не могущественный.

Встав на колени у деревянных ящичков из-под вина, которые юноша использовал как комоды, он начал вытаскивать одежду. Антон знал, что нужно было уехать из Паллас Атоса, как только Безымянная дама рассказала ему, что Илья ищет его. Он уедет сейчас. Куда-нибудь отправится. Возможно, через весь Пелагос, в восточный порт Тель Амота. В бес-

конечные пустыни, растянувшиеся за ним.

– Что ты делаешь? – спросила Бледная Рука, когда Антон быстро забросил три свертка одежды в свою сумку.

– Ухожу.

– Посреди ночи.

– Тогда мне нужно поторопиться, не так ли? – ответил Антон. – Корабли отбывают на рассвете.

– Ты так спешишь, чтобы найти этого человека?

Звук шагов отдавался эхом от мостовых под окнами Антона. Бледная Рука отступила в тень, когда Антон подошел к окну, укрывшись за занавеской.

Снова шаги.

– Кого-то ждешь? – спросила Бледная Рука. Антон увидел панику в ее глазах.

Он на пару сантиметров отодвинул занавеску. Около шести мужчин стояли у входа в переулок, проходящий рядом с его зданием, подсвеченные лунным светом.

– Что там? – резко спросила Бледная Рука.

Антон прижался спиной к стене, тяжело дыша.

– Наемники, кажется.

Должно быть, это люди Ильи. Миссис Таппан упоминала, что ей предложили соблазнительную сумму за то, чтобы найти его. Если у Ильи есть доступ к таким деньгам – и Антон не сомневался, что каким-то образом он их добыл, – то ему хватит на оплату грязной работы.

Бледная Рука выругалась себе под нос.

– Почему конклаву просто не послать за мной караульных?

– Сомневаюсь, что они здесь из-за тебя, – медленно сказал Антон.

– Тогда... тебя? Почему?

Он сглотнул.

– Человек, – сказал он, – из письма. Илья.

– Тот, кого ты ищешь.

Он покачал головой.

– Я его не ищу. Он ищет меня.

И кажется, уже нашел.

Взгляд Бледной Руки встретился со взглядом Антона, и он заметил в ее глазах варианты к отступлению, так же как, он был уверен, она увидела в его – отчаяние.

– Пойдем со мной, – внезапно сказала она.

– Что?

– Я знаю одно место. Там безопасно. Никто там тебя не найдет.

Антон колебался.

– У тебя есть предложение получше?

У него не было. Не то чтобы у него нашлось бы много близких друзей, которые отнеслись бы спокойно к его появлению без предупреждения посреди ночи. И если эти наемники отследили его до этого места, они могли последовать за ним и в Талассу. Они уже могут ее обыскивать.

– Давай, парень. Это предложение потеряет силу, как

только эти бойцы зайдут сюда.

– Ты работаешь с ним? – спросил Антон.

– Работаю с?.. Ты про этого парня, Илью, который тебя ищет? Нет, – ответила она. – Я же сказала тебе, я пришла, чтобы найти тебя, потому что миссис Таппан сказала, что ты мог бы мне помочь.

Не было похоже, что она лжет, но у искусных лжецов такое получалось.

– На мой взгляд, у тебя два варианта: оставайся здесь и посмотри, что этим наемникам нужно от тебя. Или пойдем со мной.

– Для чего?

– Почему бы не обсудить это, когда нам в спину не будет дышать полдюжины вооруженных людей?

Антон поразмыслил над своими вариантами. Довериться Бледной Руке было рискованно. Но обычно все ставки Антона окупались.

– Ладно. Пойдем.

Они выбрались в коридор.

– Есть другой выход, – сказал Антон. Он повел ее в подвал здания, тесное пространство, наполненное копошащимися крысами и паутиной. Они пробрались через подвал и прочь из задней двери в переулок.

Бледная Рука подошла к углу здания. Антон последовал за ней. Плечом к плечу они поползли и присели, прижавшись спинами к стене, ожидая, когда последние из солдат войдут

в здание.

Антон стал дышать медленнее и считать. Бледная Рука тихо выругалась.

– Что такое? – спросил Антон.

– Они оставили стражников снаружи. Двоих, – ответила она. – Ладно. Время бежать.

Сердце Антона подпрыгнуло.

– Они нас увидят.

Бледная Рука присела, высматривая что-то на земле.

– Отлично.

Девушка подняла камень размером с кулак. Удерживая его в одной руке, она размахнулась и бросила камень в противоположную сторону переулка. Было слишком темно, чтобы увидеть, где он упал, но последовавший звук был достаточно громким, чтобы заставить стражников действовать.

Бледная Рука не тратила время зря.

Как только наемники повернулись к ним спиной, она схватила Антона за руку и побежала.

– Вот там! – крикнул голос позади них.

Антону хотелось обернуться и посмотреть, заметил ли их стражник, но Бледная Рука тянула его все сильнее.

Стук ускорившихся шагов стал ему ответом. Стражники преследовали их.

В конце дороги Бледная Рука резко повернула налево, и Антон последовал за ней, когда она бросилась бежать по узким улицам.

– Сюда! – крикнула девушка. Антон резко свернул за угол и чуть не врезался в нее.

Она открыла переднее окно магазина, на двери которого висел знак, украшенный шестеренкой. Шаги позади них стали громче. Выбора совсем не было. С помощью Бледной Руки он подтянулся и перелез через подоконник. Юноша начал шарить в темноте и понял, что под ним стол, словно покрытый проводами, механизмами и посудой из стекла. Он вздрогнул от лязга и грохота, раздавшихся, когда они перелезли через окно.

Оказавшись в безопасности, они закрыли окно и прижались спинами к стене, оставаясь вне зоны видимости преследователей. Они сидели в темноте, тяжело дыша, ожидая, когда шум бегущих ног пронесется мимо.

– Осторожно! – предупредила Бледная Рука, когда Антон вытянул ноги, задев стол.

Она поймала падающий стеклянный шар и замерла. Быстрые шаги стражников прогремели мимо магазина и затихли вдалеке.

Антон выдохнул.

Рядом с собой он услышал тихий стук, а потом тусклый свет наполнил магазин. Он мигнул и стал ярче, и, повернувшись, Антон увидел, что шар на ладони Бледной Руки был маленькой лампой, горящей ослепительным светом.

– Что теперь? – спросил он.

Девушка взглянула на него. Половина ее лица была скры-

та тенью из-за света шара.

– Теперь, – сказала она, – ты идешь со мной.

Беру

В СЕКРЕТНОМ АЛЬКОВЕ под криптой Песистратоса Беру проводила эту ночь так же, как и многие другие, – с чашкой теплого мятного чая и отчаянной надеждой, что сестра вернется живой.

Эфира много раз уходила одна в черную ночь и раньше, чтобы встретиться с убийцами и работорговцами и самыми развращенными людьми в шести пророческих городах. Но сейчас Беру нервничала больше, чем в любую из тех ночей. Это было глупо – она знала. Бояться нечего, когда ты и есть самое опасное существо на этих улицах.

Но сегодня ночью Беру обуял другой страх. Потому что сегодня ночью Бледная Рука отправилась не за жертвой. Она отправилась искать помощь. И если ее ждет успех, то Беру придется ждать и волноваться в последний раз.

Через год после того, как Бледная Рука начала убивать, Беру выбрала неправильную жертву. Обычно Эфира сама находила жертв, но в этот раз выбор сделала Беру. Человек, на которого она указала, имел список визитов в игорные дома и оставлял своих жертв буквально растерзанными. Всем было плевать, потому что посещаемые им игорные дома на-

ходились в самой бедной части Тарсеполиса. Но только не Беру и Эфире.

Так что Эфира отправилась в путь, как и во многие предыдущие ночи, и Бледная Рука его убила.

На следующее утро под дверь заброшенного винного подвала, в котором жили сестры, кто-то подсунул письмо.

За человека, которого вы убили вчера, была назначена награда.

Награда была моей. В следующий раз спрашивайте.

Оно не было подписано, но внизу стояла простая восковая печать, выдавленная золотом. Роза ветров. Когда Эфира и Беру разузнали про эту печать, оказалось, что это символ Провидческого Агентства миссис Таппан – организации охотников за головами, как оказалось, с плохой репутацией в узких кругах.

Сначала Беру пришла в ужас. Сообщение напоминало угрозу, и было очевидно, что эта миссис Таппан смогла отыскать их, несмотря на то что никто не видел лица Бледной Руки и не знал ее имени. Беру захотелось незамедлительно покинуть город, но Эфира остановила ее.

– «В следующий раз *спрашивайте*», – сказала она. – Для угрозы это не очень-то страшно.

На следующий день они узнали, что письмо не угроза. Оно было предложением. Еще одна записка появилась на следу-

ющий день, с именем и преступлением: работорговля в Эндаррионе. Небольшое расследование показало, что за голову преступника была назначена награда.

Три недели спустя они получили еще одно имя.

Казалось, что таинственная миссис Таппан была готова передавать некоторые жертвы Бледной Руке, не задавая вопросов. Они все казались худшими из преступников – убийцы, работорговцы и насильники.

Эфира и Беру не могли понять, почему охотник за головами им помогает. В большинстве случаев смерть преступника означала, что награду не заберут. Но имена все поступали, и никто, к облегчению Беру, за ними не пришел.

А потом, шесть недель назад, под дверью их убежища в Тарсеполисе появилась записка.

Я знаю, почему вы это делаете. И я знаю лекарство. Могущественный артефакт, известный как Чаша Элизара.

Я не могу найти ее для вас, но кое-кто может. Провидец с самым могущественным Даром взора, который я когда-либо видела. Более могущественным, чем мой. Отправляйтесь в Паллас Атос и ждите моего следующего послания.

В Паллас Атосе Беру слышала только истории о том, каким раньше был город – Городом веры, центром шести про-

роческих городов. Когда они сюда приехали, девушка была шокирована тем, что они нашли. Нижний город, полный азартных игроков и воров, и Верхний город, где священники растлевали детей и оставляли город гнить. Город Веры оказался идеальным местом для Бледной Руки.

Они устроились в полуразрушенном заброшенном мавзолее младшего священника и ждали новостей от миссис Таппан.

Ждали.

И ждали.

И наконец сегодня они получили ответ. Посланник объявился в святилище, доставив конверт с печатью розы ветров.

Вот оно, подумала Бери. Письмо, которое определит их судьбу. Провидец, про которого им рассказала миссис Таппан, человек, ради которого они приехали в Паллас Атос, наконец-то ответил.

Ответ был «нет».

– Возможно, провидца не существует, – сказала Бери.

– Зачем миссис Таппан нам врать? – спросила Эфира.

– А зачем ей вообще нам помогать? Она охотник за головами.

– Провидец настоящий, – настаивала Эфира. – И он здесь.

И я найду его или ее.

– Как?

Эфира взглянула на уходящего посланника миссис Таппан.

пан с блеском решимости в глазах.

– Легко. Посланник отведет меня к миссис Таппан, а миссис Таппан отведет меня к таинственному провидцу.

– Эфира...

Выражение лица Эфиры было мягким, когда она протянула руку, чтобы убрать локон сестры за ухо.

– Это важно, Беру. Это вопрос жизни и смерти.

Беру посмотрела в глаза Эфиры и увидела там искреннюю надежду.

– Мы так далеко зашли, – сказала Эфира.

– Знаю, – ответила Беру. Это ее и пугало. Они зашли так далеко – они крали и убивали уже давно ради выживания. Они так далеко зашли – четырнадцать жизней, которые забрала Бледная Рука. Они зашли так далеко. Насколько далеко еще нужно будет зайти?

Теперь этот вопрос мучил ее, пять часов спустя, когда она сидела за крошечным столом в самодельной кухне, а вокруг нее лежали ракушки, морское стекло и осколки керамики. Вот что Беру всегда делала, когда не могла уснуть, – создавала украшения и побрякушки из тех вещичек, что могла найти. Этим они занимались с Эфирой в детстве: продавали ожерелья и браслеты торговцам, проходящим через их деревню. Теперь эти самодельные украшения были единственным источником дохода помимо воровства.

Приглушенное эхо шагов пронзило тишину рассвета. Беру замерла, прислушиваясь. Вход в альков в крипте был пол-

ностью скрыт – его можно было найти, только если знать точное расположение.

Она следила за звуком шагов, перемещавшихся через основной санктум и двинувшихся вниз по тайной лестнице. Должно быть, это Эфира. Но очевидно, она привела компанию.

Раздался стук в дверь.

– Это я, – послышался голос Эфиры.

– Докажи.

За дверью раздался многострадальный вздох Эфиры.

– Однажды, когда тебе было восемь лет, ты нашла бочку с финиками, из которых наша мать, бывало, делала вино. Ты съела полбочки, и следующие три дня, каждый раз, когда ты ходила в туалет...

Беру поспешно открыла дверь и приветствовала сестру сердитым взглядом.

– Хорошее доказательство? – спросила Эфира.

– Ненавижу тебя, – ответила Беру, когда сестра проворно обошла ее и вошла в комнату.

Оставив Беру смотреть на незнакомца в проходе.

– Итак, – сказал юноша и окинул альков взглядом, – Бледная Рука буквально живет в крипте. Немного банально, не думаете?

Единственным возможным объяснением его присутствия, которое могла придумать Беру, было то, что Эфира действительно нашла провидца, как и говорила. Что означало, что

провидец был совершенно неприметным юношей не старше ее самой. Его бледная кожа и светлые волосы говорили о том, что он чужеземец в Паллас Атосе – возможно, откуда-то с севера, возможно, с Новогардийских территорий. Его глаза показались Беру темными, как могила.

Рассматривая юношу, она поняла, что тот делает то же самое. Его взгляд задержался на ее руке, все еще лежащей на защелке. Беру плотно завернула ее в ткань, чтобы спрятать темный отпечаток, но сама повязка была подозрительной.

Она быстро убрала руку за спину и отступила в сторону, пропуская его внутрь.

– Хочешь чаю?

– У вас есть вино? – спросил он с надеждой.

– Прости, – ответила Беру, возвращаясь в угол кухни и наливая все еще теплый мятный чай в три побитые глиняные чашки. Она подавила смешок. Все это казалось абсурдным. Уже почти пять лет у Эфиры и Беру не было гостей. В их деревне Медея, торговой точке прямо за Тель Амотом, гостеприимство было правилом, таким же нерушимым, как и закон. Их мать никогда бы не позволила кому-то зайти в дом и остаться без угощения.

Юноша сел на подушку за хрупкий деревянный стол, и Беру поставила перед ним чашку с чаем.

Теперь он даже не смотрел на нее. Его взгляд был прикован к Эфире, и, несмотря на внешнее спокойствие, Беру заметила тревогу. Эфира тоже наблюдала за ним, прислонив-

шлись к стене, скрестив руки на груди. Беру села прямо по центру и прервала зрительный контакт.

– Итак, – сказала она и подула на чай. – Значит, ты провидец?

Только тогда взгляд юноши переключился на нее.

– Я просто Антон.

– Антон, – сказала Беру. Взглянула на Эфиру. Опасно было рассказывать ему, кто они. Где живут. Но они приехали в Паллас Атос, только чтобы найти его, и другого выбора у них не было. – Я Беру. Сестра Эфиры.

– У Бледной Руки есть сестра, – изумился он.

– У тебя есть братья или сестры, Антон?

– Только один, – ответил он слишком беззаботным тоном.

Беру сузила глаза.

– Ладно, – нетерпеливо сказала Эфира, – хватит пустых разговоров. Ты знаешь, зачем я тебя сюда привела.

Антон глянул на нее поверх чашки.

– Ты сказала, что тебе нужна моя помощь. Зачем?

Беру взглянула на Эфиру. Если она была готова довериться этому мальчику – довериться настолько, чтобы это ему рассказать, тогда Беру последует за ней.

– Ты знаешь, кто я, – сказала Эфира. – Что я делала.

– Думаю, можно сказать, все знают, что ты делала.

– Да, – ответила Эфира. – Но никто не знает почему.

Люди в страхе шептались об обнаруженных телах, отмеченных Бледной Рукой. У всех находились свои предполо-

жения о мотивах убийств. Наказание злых и извращенных. Искривление Дара. Никто не знал правды.

– Я забираю их жизни, – медленно сказала Эфира, – чтобы спасти ее.

Она взглянула на Беру, и между ними проскользнуло молчаливое понимание: сестры могли рассказать этому парню достаточно, но не более того. Не всю правду. Это было слишком опасно.

– Я болела, – сказала Беру. – Долгое время. Эфира использует *эши* своих жертв, чтобы исцелить меня. Это единственный способ сохранить мне жизнь.

– Почему вы не пригласите целителя?

– Они не могут помочь, – бесстрастно ответила Эфира. Были и другие причины: риск разоблачения, истинная природа болезни Беру, – они препятствовали поиску помощи у кого-то помимо самых беспринципных. – Целители дают клятву. Если бы они знали, что я сделала, чтобы сохранить жизнь Беру... даже если бы они могли помочь нам, то не стали бы.

– А я могу?

– Мы искали то, что сможет помочь, – сказала Беру. – Мощественный артефакт, который, согласно историям, усиливает Дар крови. С помощью его, возможно, Эфира сможет вылечить меня навсегда, и я больше не буду болеть.

– Его называют Чашей Элиазара, – сказала Эфира, внимательно наблюдая за Антоном. – Ты о ней слышал?

Юноша покачал головой.

– Ты знаешь о Войнах Некроманта, – сказала Эфира. Это был не вопрос. Все знали о Войнах Некроманта – самых разрушительных сражениях в истории мира. Задолго до исчезновения пророков король Некромант поднял армию непокоенных – мертвых, вернувшихся из могилы, – чтобы захватить королевство Херата.

– Король Некромант обладал Даром крови, – продолжила Эфира. – Самым могущественным за многие века. Возможно, самым могущественным с самого появления Даров. Но не вся сила принадлежала ему. Часть ее король Некромант получал из Чаши Элиазара.

Антон заморгал, глядя на нее.

– Так, – медленно сказал он, – ты привела меня в свою крипту, чтобы попросить найти древний артефакт, с помощью которого когда-то подняли армию мертвых? Я все правильно понял?

Эфира даже не вздрогнула.

– Ну а ты можешь?

– Нет.

– Ты врешь.

– Не вру, – ответил Антон. Внезапно он показался уязвимым. – Я действительно... я не вру вам.

– Миссис Таппан сказала, что только ты можешь сделать подобное, – продолжила Эфира. – Что у тебя есть Дар могущественнее всего, что она видела. Она нам соврала?

Антон выдохнул.

– Нет, не соврала.

– Она сказала, что ты можешь отказаться помогать нам, – добавила Эфира.

– Отказаться, – мрачно повторил Антон. – Правильно.

– Ты так это сформулируешь? – спросила Беру.

– Не совсем.

– Знаешь, я многим рисковала, чтобы привести тебя сюда, – сказала Эфира. – Мне не нужно было этого делать. Я могла оставить тебя тем наемникам.

Беру развернулась, чтобы глянуть на нее.

– Каким наемникам?

– Потом, – резко ответила Эфира. А затем обратилась к Антону: – Я только говорю, что, если человек, преследующий тебя, так отчаянно хочет тебя найти, мне не обязательно стоять у него на пути. В действительности, может, мне лучше помочь ему.

Она посмотрела на него тем самым взглядом, как говорила Беру. Взглядом Бледной Руки.

– Она всегда так убедительна? – спросил Антон Беру.

Глаза Эфиры вспыхнули.

– Почему бы тебе не спросить того мертвого священника, насколько убедительной я могу быть?

– Эфира, – сказала Беру. – Позволь мне поговорить с ним.

Эфира бросила на сестру вопросительный взгляд. Та едва заметно кивнула. Угрозами делу не поможешь. Но Беру

подумала, что, возможно... возможно, она сможет тронуть его. Потому что под сарказмом и наигранной уверенностью скрывалось то, что было ей знакомо. Страх.

Эфира подошла к двери и задержалась там на мгновение, прежде чем покинуть крипту.

Беру повернулась к Антону.

– Слушай, я не знаю твою историю. И не стану спрашивать. Мне просто нужно, чтобы ты кое-что понял.

Антон кивнул. И Беру снова увидела это – тень страха, пробежавшую по его лицу. Ни паники, ни ужаса – ничего яркого. Только глубокий, непреодолимый страх, тихо живущий в каждом вдохе. Она распознала его, потому что такой же сидел и в ней.

– То, чего я больше всего боюсь, – продолжила Беру, – это не возвращения болезни. Не смерти. Даже не смерти Эфиры.

Теперь Антон слушал внимательно, его темные глаза были прикованы к ней.

– Были времена, прежде чем Эфира стала Бледной Рукой. Когда мы с ней были просто девочками. Сиротками. Друг у друга остались только мы. Думаю, сейчас ситуация не сильно отличается.

Они с Эфирой больше не обсуждали прошлое – там крылось слишком много чувства вины. Но не проходило ни дня, чтобы Беру об этом не думала и не гадала, стоила ли ее жизнь того, чем они с сестрой за нее заплатили.

– Но тогда у нас была семья, – сказала Беру. – В рыбацкой

деревне на острове Чарис. Они были добры к нам, дали нам убежище. Даже любили нас. Со временем, думаю, они стали бы относиться к нам, как к своим. У них было два сына. Мальчик возраста Эфиры и другой, немного старше.

Воспоминания о месяцах, проведенных с той семьей, ожили в ее мыслях. Два брата фехтовали на деревянных мечах во дворе, заросшем чертополохом. Их мать помешивала бурлящий горшок и вдыхала теплый пар с запахом лимона, трав и намеком на пряный перец. Отец выкладывал рыболовные снасти перед домом. В уголках его глаз появлялись морщинки, когда Беру с Эфирой проносились мимо, играя в догонялки, перепрыгивая через трубу, обегая курятник и выбегая в передний двор. И когда подавали ужин, все они заходили один за другим, словно муравьи, возвращающиеся в муравейник.

Воспоминания о тех временах смешивались с воспоминаниями о родителях Беру, и она уже не могла понять, собственная ли мать или приемная вплетала цветы в волосы и учила ловить цыпленка. В ее тенистом прошлом находилась поляна яркого солнечного света. Но следующее воспоминание о том, что они с Эфирой сделали с этой семьей, затмевало все.

– Через несколько месяцев после того, как они нас приняли, я заболела. И не в первый раз. В нашей старой деревне, Медее, меня сразил тот же недуг, что унес жизни наших родителей, но я... выжила. Мы думали, что все закончилось,

но через несколько месяцев после того, как эта семья приняла нас, болезнь вернулась снова. И вскоре я поняла, что умираю. – Она замолчала, сглатывая. – Отец ушел, чтобы найти мне целителя. Но мне становилось хуже слишком быстро, и до его возвращения Эфира решила сама исцелить меня. И это сработало. Мне стало лучше. Но в тот день приемная мама заболела и умерла – или по крайней мере мы все так думали.

Хотя прошли годы, Беру почувствовала волну свежего ужаса, накрывающую ее.

– Через пару месяцев болезнь снова вернулась. И снова Эфира исцелила меня. В этот раз умер старший сын. Вот тогда мы поняли, что происходит на самом деле. Что мы были причиной. – Беру трясло. – Отец это тоже понял. Он был вне себя от горя и боялся, что Эфира убьет его единственного, оставшегося в живых сына. Он угрожал нам. Угрожал мне, думая, что, если заберет мою жизнь, его старший сын и жена снова оживут. И Эфира, она...

Все представилось в тошнотворной вспышке. Отец бросается на Беру. Эфира выкидывает руки к его груди, чтобы остановить. Бледный отпечаток руки расцветает на его коже.

– Она убила его, – прошептала Беру. – Это был инстинкт. Она защищала меня и не могла контролировать свои силы.

– Что случилось с другим мальчиком? – спросил Антон. – Младшим сыном?

Беру покачала головой.

– Мы не знаем. После смерти отца мы ушли. Когда болезнь снова вернулась, мы приняли решение. Больше никаких невинных смертей. Не из-за меня. Так что Эфира стала Бледной Рукой.

– Так вот чего ты боишься больше всего? – медленно спросил Антон. – Что еще больше невинных людей умрет из-за тебя?

Девушка кивнула, но рассказала ему не все. Невинные они или виновные, было не важно – каждая жизнь, забранная Бледной Рукой, оставалась на совести Беру.

– Моя болезнь прогрессирует, – сказала она. – Теперь это происходит быстрее. Раньше я слабела через несколько месяцев после исцеления Эфирой. Теперь через недели. Я знаю, что однажды – может, очень скоро – мы окажемся в таком отчаянном положении, как и в тот день в рыбацкой деревне. И не будет иметь значения, натворил ли кто что-то или нет. Значение будет иметь только то, что их жизнь можно обменять на мою.

– Но если ты найдешь Чашу Элиазара... – Антон не завершил свою мысль.

– Тогда больше никому не нужно будет умирать. – «Тогда, – подумала Беру, – мы будем свободны».

– И тебе больше не придется бояться, – тихо сказал Антон. Беру кивнула. Она знала, что Эфира может разозлиться, что она рассказала Антону их историю. У них не было причин доверять ему.

И все же Беру чувствовала, что может доверять. Или что по крайней мере Антон постарается как-то понять то, через что они прошли. Она видела, что и его преследовало прошлое. Может быть, Антон понимал, каково это – чем отчаяннее ты преследуешь свободу, тем дальше она оказывается.

– Итак, – сказала Беру, – ты нам поможешь?

Антон пристально наблюдал за ней, поджимая губы.

– Не знаю. Не знаю, смогу ли. Я уже давно не использовал свой Дар и... ну, давай скажем, не ты единственная не хочешь вспоминать прошлое.

– Ты знаешь, что она несерьезно, – сказала Беру. – Когда Эфира сказала, что сдаст тебя твоим преследователям. Она так не поступит. Она не такая.

Антон пожал плечами.

– Тебе не нужно решать прямо сейчас, – сказала Беру. – Но, думаю, ты не хочешь возвращаться домой, если те люди все еще ищут тебя. Можешь остаться пока здесь, если хочешь.

Девушка видела, что он колеблется. Но казалось, что усталость победила, потому что он кивнул и помог Беру оттащить подушки от стола на другую сторону, чтобы приготовить импровизированную постель.

– Отдохни немного, – сказала она. Девушка подождала, пока он не улегся и не закрыл глаза, а потом подкралась к двери и открыла ее.

За ней стояла Эфира.

– Что ты?..

Беру поднесла палец к губам и вытолкнула Эфиру в темный каменный проход, ведущий в мавзолей, закрыв за собой дверь.

– Что ты ему рассказала? – спросила Эфира.

– Я рассказала ему о семье, – ответила Беру. Ей не нужно было уточнять, какой семье. Они с Эфирой почти никогда о них не говорили, но воспоминание всегда царило между ними, преследовало все эти дни.

– И больше ничего?

– Конечно, больше ничего, – сказала Беру. – Но он не глуп, Эфира. В какой-то момент он начнет задавать вопросы.

– Тогда пока не найдем Чашу, мы не можем отпускать его, – сказала Эфира, – это слишком опасно.

– А если он решит не помогать нам? – спросила Беру. – Мы не можем держать его здесь вечно.

– И не будем, – сказала Эфира с мрачной решительностью. Беру отшатнулась от нее.

– Ты не можешь просто убить его, Эфира!

– Я Бледная Рука, – ответила Эфира. – Я сделаю, что должна.

Беру отстранилась, уходя в темный, холодный каменный проход.

– Беру, стой...

– Я не могу разговаривать с тобой сейчас, – сказала Беру, не останавливаясь.

Она любила сестру больше всего на свете. И знала, что и Эфира испытывает то же самое. Она сделает что угодно ради сестры.

Но это и пугало Беру больше всего.

Девушка не могла не чувствовать, что, что бы теперь ни произошло, у их истории есть только два конца – или Эфира потеряет Беру, или Беру потеряет ее.

8

АНТОН

АНТОНУ СНИЛИСЬ СНЫ, но не об озере. Ему снились лица в капюшонах, глаза со зрачками в форме черных солнц. Он видел бледные отпечатки рук, выжженные на его коже.

– Парень! Эй, парень! Проснись!

Антон резко поднялся, готовый бежать. Его взгляд упал на Бледную Руку, неуверенно присевшую возле его постели из подушек.

События последней пары часов захлестнули его. Бледная Рука в его квартире. Побег от людей Ильи. Сон в темном и влажном алькове разрушенного мавзолея.

– Тебя трясло, – сказала она. – Плохой сон?

– А есть другие? – Он потер глаза. – Как долго я проспал?

– Пару часов, – ответила она. – Уже вторая половина дня.

– Где твоя сестра?

– Она ушла, чтобы добыть еды, – ответила Эфира. Когда Антон нахмурился, девушка рассмеялась. – Ой, да ладно. Ты же не боишься оставаться со мной наедине, не так ли?

– Не боюсь, – ответил он. – Но она намного приятнее тебя.

Эфира снова рассмеялась. Ее смех был неожиданным –

громким, легким, открытым.

– Это точно. Она скоро вернется, если тебе так спокойнее.

Ты останешься?

Антон сложил руки на коленях.

– А у меня есть выбор?

– Мы не станем держать тебя в заложниках, – сказала Эфира. – Но кажется, вчера ночью я спасла тебе жизнь.

– Ой, да ладно. Я слышал, что ты сказала, – ответил Антон. – Вы разговаривали на лестничной площадке этим утром. Ты думала, что я сплю.

Выражение лица Эфиры не изменилось. Она просто смотрела на него, скрестив руки на груди.

– Ты думаешь, что отпускать меня слишком опасно. – Он сглотнул. – Ты привела меня сюда, зная, что не отпустишь живым.

Возможно, Беру и верила, что ее сестра не способна на нечто подобное, но Антону был знаком вкус отчаяния. Момент, когда оно ловило в свои когти и заставляло жертвовать даже тем, что ты считал дорогим. Он был сам по себе с одиннадцати лет и за это время продал части себя – достоинство, добродетель, чистую совесть, если они у него когда-то были, – чтобы спасти всего себя. Он ни разу не уклонился.

Так что, когда Эфира пригрозила отдать его людям, охотящимся на него, когда сказала сестре, что может убить его, если он им не поможет, Антон поверил ей.

– Ты знаешь, почему я привела тебя сюда, – сказала Эфи-

ра. – Мне нужна твоя помощь, чтобы спасти жизнь сестры.

– А если я откажусь? Ты позволишь мне уйти?

Прежде чем девушка успела ответить, со стороны потайной лестницы донесся шум шагов. Мгновение спустя дверь, вздрогнув, открылась, и вошла Бери с корзиной картофеля и лепешками.

Она неловко остановилась у двери и переводила взгляд с одного на другого.

– Что происходит? – в ее голосе зазвучала тревога.

Взгляд Эфиры был прикован к Антону. Она ждала.

Он знал, каким должен быть его ответ. Он встретился с Беру взглядом.

– Я решил вам помочь.

Прошел почти год с того дня, когда Антон в последний раз использовал свой Дар, но как только он вошел в омут провидцев, то почувствовал знакомое учащение сердцебиения. Прикосновение холодной воды к ногам вырвало вздох из его горла. Он уже дрожал. В левой руке юноша сжимал единственный подарок, полученный за шестнадцать лет. Его подарила Безымянная дама в последнюю встречу. Природный магнит, не больше яблока, гладкий, серый и совершенно непримечательный.

Краем сознания он чувствовал *эти* двух сестер, стоящих

в пустом мавзолее вместе с ним. *Эша* Эфиры – та же пульсирующая вибрация, которую он почувствовал, когда она забралась в его комнату. И Беру. С ее *эшой* было что-то не так. Антон впервые заметил это в крипте. Она была странным образом затуманена, словно приглушенный звон колокола. Словно это был не целостный, непрерывный звук.

– Я никогда раньше не видела действий провидца, – сказала Эфира из-за его спины. – Как это работает?

Антон едва ли был экспертом. Всему, что он знал об особенностях Дара взора, его научила миссис Таппан. Даже если это ему не помогло.

– Каждый из четырех телесных Даров по-разному взаимодействует с *эшой*, – сказал он. – Ты, например, можешь давать и забирать *эшу* у живых существ, потому что у тебя есть Дар крови. Люди с Даром сердца могут усиливать свою собственную *эшу*, чтобы сделать себя сильнее и быстрее. Алхимики и изобретатели с Даром разума могут наделять обычный материал *эшой*, чтобы заставить их делать невозможное. Раскаленный свет, горящий без пламени, или вино, исцеляющее морскую болезнь, например.

– Но Дар взора не позволяет тебе отдавать *эшу*, усиливать ее или трансформировать, – сказала Эфира.

– Нет, – согласился Антон. – Я не могу манипулировать *эшой*, но я могу ее чувствовать. Все *эши* в мире вибрируют с разной частотой. Я чувствую эти вибрации. Даже сейчас. Прорицание помогает мне найти их, искать в узорах

эши, проплывающих по нашему миру. Как правило, провидцы могут просто находить людей. Но то, что вы ищете – артефакт, с помощью которого когда-то подняли мертвых, – такое мог создать только изобретатель, то есть оно наполовину *эшой*.

– Раз все артефакты наполнены *эшой*, ты можешь их найти? – спросила Беру.

– Не совсем, – ответил Антон. – Провидцам нужна одна важная вещь, чтобы найти артефакт или человека, – их имя. Имя человека привязывает к нему *эшу*. Вот почему у нас есть Дни нарицания. Однако у большинства повседневных артефактов нет имени. Но у редких есть, потому что имена помогают привязать *эшу* к артефактам и сделать их еще более могущественными.

– Как Чаша Элиазара, – сказала Эфира.

– Правильно, – ответил Антон, опуская взгляд. Он не сказал ей, что это в теории. Если бы у большинства провидцев были такие способности, как у Антона, они могли бы разбогатеть, отслеживая потерянные могущественные артефакты прошлых пророчеств.

– И каково назначение воды и камня? – спросила Беру.

– Это способ сосредоточиться и направить мой Дар, – сказал он. – Как движения коа для Дара сердца. Или узоры связи для Дара крови.

Неподвижность омута провидцев, как научила его Безымянная дама, помогает провидцу сосредоточиться. Рябь маг-

нита повторяет вибрации *эши*, усиливая их, чтобы натренированный провидец мог их разделить.

Антон вышел на центр омота провидцев. Сделал вдох и бросил магнит в воду. Та сразу же начала бурлить, двигаясь и вращаясь.

Он закрыл глаза и последовал за рябью магнита через потоки *эши*, составляющие мир. Юноша позволил гулу этих потоков омыть себя, позволил своему телу ослабнуть, когда потянулся к ткани этого дрожащего мира. Он не направлял *эшу*, а позволял ей направлять его, позволял утягивать себя глубже и глубже, в сплетающиеся потоки, в извилистые пути священной энергии. Но пока его утягивали потоки, что-то еще тянуло его.

Воспоминания. Озеро.

Его схватили руки. Его пронзил лед. Нет, нет, нет! «Я могу стряхнуть его», – сказал он себе. Он мог это сделать. Антон прощупывал свой путь в потоке, словно пробираясь по ниточке, с многими тысячами других нитей, секущихся и переплетающихся вместе.

Антон покачивался, вода бурлила.

Он почувствовал, как жаждет заполучить его темная пасть замерзшего озера. Вода кипела дико, словно потрясенная ужасной бурей. Он свалился со всплеском, ахнув, когда его накрыла вода. Омут провидца превратился в потрескавшийся лед, сломанные колонны – в ряд возвышающихся деревьев.

Он стоял по колено в снегу, соленые слезы жгли глаза, его придавили, и он боролся, боролся, боролся.

– Хватит! – умолял он. – Пожалуйста, хватит!

Он освободился и побежал на середину озера. Ветер цапал щеки, а за спиной раздавался смех. Антон бежал, а под ногами трещал лед, бежал и бежал, но не мог спастись от растущей бездны озера.

Он бросился в ледяную воду. К коже прижались пальцы. Над ним нависло лицо, его рот – широкая улыбающаяся дыра.

Холодная, словно нож, вода накрыла его. Легкие болезненно сжались. Борясь, юноша не видел ни намека на поверхность, вода вокруг него была темной. Он плавал, он тонул. Его легкие сдались давлению. Сердце замедлило биение. Глаза закрылись.

Оставалось теперь только одно. Не вода и не холод. Не ужасное смеющееся лицо. Только его Дар, звенящий в его костях, наполняющий его вены, хватающий его холодными, костяными пальцами, тянущий его вниз, вниз, в темноту, в темную яму. И он знал, что если откроет глаза, то увидит то, что хочет поглотить его, хочет уничтожить его, хочет...

Антон очнулся.

Мавзолей был неподвижен. Он лежал наполовину в омуте

провидцев, перегнувшись через край. Косые лучи солнца падали сквозь разрушенную крышу над ним. Бери опустилась на колени рядом с ним, тревожно хмурясь. Эфира стояла за ее плечом, наблюдая за ним с едва скрытым нетерпением.

– Сработало? – спросила она.

Он покачал головой и поднялся, перелезая через край омота.

– Я не смог. Простите.

– Что случилось? – спросила Бери.

Мгновение ее лицо казалось искаженным ужасным криком, но когда Антон моргнул, оно снова стало обычным. Встревоженным.

– Я... я пытался рассказать вам. Я не могу пользоваться Даром, не видя... – Он попытался сформулировать.

Не видя, как брат удерживает меня под водой.

Воспоминания об озере вспыхнули перед его внутренним взором.

– Не видя чего? – настаивала Эфира.

Он встал на ноги.

– Простите, – сказал Антон. – Я никому о вас не расскажу, я даже не стану вас упоминать, но я не могу... это ошибка. Простите.

Он побежал прочь от омота провидцев, спотыкаясь о камни и мусор, осыпавшиеся с разрушенных стен мавзолея, Эфира звала его:

– Что ты видел?

Слова выгнали его на вечерний воздух, отдаваясь эхом в голове еще долго после того, как мавзолей исчез из виду.

Антон думал, что оставил прошлое позади, но оно пришло за ним. Теперь он знал. Он все еще тот же испуганный, утопающий мальчик. И всегда таким будет.

Джуд

ДЖУД ПРОСНУЛСЯ ДО ВОСХОДА солнца. Сегодня ему предстояло стать Хранителем Слова. Он почти не спал, его тело стало узлом из нервов и предвкушения, а слова отца все еще звенели в голове.

Последний пророк был найден.

Их столетнее ожидание закончилось. Их шестнадцатилетние поиски подошли к концу. Последний пророк, ожидающий Джуда в Городе веры.

Резкий стук в дверь комнаты вырвал юношу из размышлений о пророке. Он вскочил с узкой кровати и рывком открыл дверь. Его глаза широко распахнулись при виде Гектора, стоящего у стены.

– Что ты тут делаешь? – спросил Джуд.

Гектор вскинул брови.

– Не могу поверить, что прошел всего год, а ты уже забыл нашу традицию.

Джуд моргнул. Прежде чем уйти на Год размышлений, они с Гектором просыпались каждое утро, чтобы практиковать коа, пока поднималось солнце. Но именно тогда Джуд всегда вытаскивал упрямого друга из кровати в предрассвет-

ные сумерки.

Гектор широко улыбнулся, словно прочитав мысли Джуда.

– Подумал, что для разнообразия мне стоит прийти и разбудить тебя. Хотя я понимаю, что это невозможно.

– Сегодня церемония, – выпалил Джуд.

Как только солнце поднимется над долиной, все паладины соберутся в кругу камней, комплексе монолитов, нависающих над остальным фортом, чтобы присутствовать, когда Джуд выберет шесть других, которые станут стражей паладинов и отправятся с ним к пророку.

– Время есть, – сказал Гектор. Он подождал снаружи, пока Джуд переделся в форму паладина – мягкие сапоги, узкие темно-серые штаны, рубашку из грубой ткани, застегивающуюся сбоку, верхние, выкованные с помощью Дара доспехи, тонкие, как шелк, и плащ полуночного синего цвета, ниспадающий с плеч. После сегодняшнего дня он будет носить эту форму не просто как один из паладинов, а как их лидер.

– Готов? – спросил Гектор, когда Джуд вышел из комнаты.

– Для коа? Да. Для всего остального...

– Все будет отлично, – сказал Гектор, улыбаясь, пока они обходили тихий форт и поднимались по тропинке к самому высокому водопаду в долине. – Что еще твой отец сказал о последнем пророке?

Прошлой ночью капитан Везерборн созвал всех палади-

нов в великом зале, чтобы рассказать им новости.

– Его нашел служитель, – ответил Джуд. – Один из нас. Отец говорит, что он доверяет этому человеку чуть ли не больше, чем всем остальным.

В храмах пророков оставалось так много служителей, даже теперь, когда они стояли пустые. У них не было власти, они просто содержали храмы и помогали исполнять нарицания, свадьбы и похороны. Небольшое число этих служителей во всех шести пророческих городах дало тайные клятвы Ордену последнего света. У этих служителей был другой секретный долг – искать признаки последнего пророка и предупредить Орден в Керамейкосе, если такие появятся. Они передавали свою миссию ученикам, тщательно выбирая из тех, кто проявил преданность делу пророков. Некоторые считались достойными узнать секреты Ордена.

– Служитель прислал сообщение вчера через сеть провидцев, подтверждая, что нашел пророка в Паллас Атосе, – продолжил Джуд. – Он сказал, что тот соответствует всем знамениям, но больше ничего, даже имени. Это самый безопасный способ. Мы не можем рисковать, чтобы кто-то узнал, ради чего мы в Паллас Атосе. Ради кого мы там.

Вот почему последнее пророчество хранилось в секрете так долго. Чтобы никто, кроме членов Ордена последнего света, не искал пророка.

– Не могу поверить, что пророк в Паллас Атосе, – сказал Гектор. – Что там говорилось про дружбу судьбы и иронии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.